Кульчицкий

АНАРХИЗМ в РОССИИ

ТЕМЫ ЖИЗНИ

№ 18 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

Л. КУЛЬЧИЦКІЙ

Анархизмъ въ Россіи

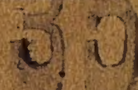
ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО
С. Штернъ

Съ предисловіемъ Н. И. Іорданскаго

ИЗДАТЕЛЬСТВО О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., 54

Л. КУЛЬЧИЦКІЙ

Анархизмъ въ Россіи

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

С. Штернъ

Съ предисловіемъ Н. И. Іорданскаго

Издательство
О. Н. Поповой

1907

С.-Петербургъ,
Невскій, 54

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Никогда не слѣдуетъ относиться съ пренебреженіемъ къ новымъ направленіямъ, только на томъ основаніи, что въ данный моментъ они еще слабы, тѣмъ болѣе—въ революціонную эпоху“,—справедливо замѣчаетъ Кульчицкій въ заключеніи своей работы объ анархизмѣ, переводъ которой предлагается вниманію русскихъ читателей.

Къ сожалѣнію, именно по отношенію къ анархизму русскіе соціалъ-демократы не обнаружили своевременно необходимой боевой готовности. Несмотря на то, что Г. В. Плехановъ неоднократно указывалъ и въ своихъ статьяхъ, и, главнымъ образомъ, въ своихъ бесѣдахъ съ товарищами по партіи на неизбѣжное возрожденіе въ Россіи анархизма, соціалъ-демократическая партія, въ цѣломъ, не встрѣчая въ своей работѣ до послѣдняго времени сколько-нибудь замѣтныхъ анархическихъ организацій, относилась къ анархизму съ достаточнымъ равнодушіемъ, какъ къ мимолетному и случайному явленію.

Вслѣдствіе этого, для большинства было совершенно неожиданнымъ то распространеніе анархическихъ идей, которое началось вмѣстѣ съ подъемомъ революціи и которое не ослабѣваетъ и до настоящаго времени.

Многочисленная—и переводная, и оригинальная—анархическая литература, появившаяся въ Россіи въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, показываетъ, что если анархизмъ и не оказываетъ еще вліянія на практическую политику, то, во всякомъ случаѣ, онъ находитъ весьма воспріимчивую и благожелательную аудиторію.

Но никогда и нигдѣ анархизмъ не приносилъ еще рабочему классу, на защиту котораго онъ якобы поднимаетъ свое черное знамя, ничего, кромѣ дезорганизаціи пролетарской арміи и тяжелаго вреда рабочему дѣлу. Поэтому, чѣмъ больше надеждъ на успѣхъ питаютъ въ Россіи анархисты, тѣмъ больше энергіи должна затратить на борьбу съ ними россійская соціалъ-демократія, какъ выразительница классовыхъ интересовъ пролетаріата.

Но, быть можетъ, опасенія анархическаго вліянія являются преувеличенными? Быть можетъ, въ реальныхъ общественныхъ условіяхъ Россіи анархизмъ обреченъ остаться безпочвенною мечтою немногихъ сектантовъ? Къ несчастью, на это нельзя надѣяться. Наоборотъ, въ ближайшій, по крайней мѣрѣ, историческій періодъ можно ожидать пышнаго расцвѣта анархическихъ терній.

Въ отличіе отъ многихъ западно-европейскихъ революцій, наша революція охватила огромныя массы и сдвинула самые глубокіе соціальные низы. Ея главные дѣятели—пролетаріатъ и пролетаризированное крестьянство—въ національную задачу политическаго освобожденія внесли и классовыя требованія соціально-экономическаго освобожденія.

Эта особенность переживаемаго историческаго переворота, при достаточномъ развитіи классовыхъ противорѣчій капиталистическаго общества, могла бы явиться источникомъ силы народнаго движенія; но при слабости капиталистическаго развитія страны она можетъ быть источникомъ относительной слабости освободительной арміи. Возникновеніе классовыхъ противорѣчій увеличиваетъ силу пролетаріата, но недостаточное развитіе этихъ противорѣчій лишаетъ пролетаріатъ возможности побѣды и въ то же время ослабляетъ революціонную энергію буржуазіи.

При такихъ условіяхъ Россія весьма легко мо-

жетъ повторить Германію 1848 года. Политическое ничтожество германской буржуазіи заставило Маркса признать, что „въ Германіи немыслимы чисто-буржуазная революція и основаніе господства буржуазіи въ формѣ конституціонной монархіи, что возможна только феодально-абсолютистская контръ-революція или революція соціально-республиканская“ [1]). И такъ какъ соціально-республиканская революція не могла въ тотъ моментъ осуществиться, то германскій политическій строй и отлился въ форму своего рода „самодержавной конституціи“.

Мы не имѣемъ пока основаній предсказывать нѣмецкій исходъ великой россійской борьбы. Но мы теперь уже имѣемъ право отмѣтить, что наличность классовыхъ противорѣчій и въ то же время ихъ слабость обусловливаютъ затяжной и болѣзненный характеръ процесса преобразованія Россіи. Борьба становится длительной и невѣрной. Съ одной стороны широкія народныя массы не удовлетворяются жалкими уступками стараго режима и выдвигаютъ на первую очередь требованія глубокаго соціальнаго и политическаго демократизма; съ другой—контръ-революція съ необычайною жестокостью подавляетъ самодѣятельность пробужденной демократіи и разбиваетъ ряды освободительной арміи.

Не имѣя еще силъ побѣдить сопротивленіе стараго режима въ планомѣрной политической борьбѣ, трудящіеся классы склоняются къ отрицанію очередныхъ политическихъ задачъ и отдаются стихійнымъ порывамъ, растрачивая энергію въ разрозненныхъ вспышкахъ, услужливо оправдываемыхъ анархическою идеологіею, въ качествѣ проявленій тактики „непосредственной борьбы“.

Значеніе соціально-политическихъ причинъ развитія анархизма усиливается и экономическими слѣдствіями политическаго положенія.

---

[1]) Итоги 48 года. СПБ. 1905, стр. 39.

Военно-полицейская диктатура разрушаетъ производительныя силы страны и выбрасываетъ на улицу десятки тысячъ безработныхъ рабочихъ всѣхъ отраслей не только физическаго, но и умственнаго труда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она даетъ возможность капиталистамъ отнять у рабочихъ экономическія улучшенія, завоеванныя въ періодъ революціоннаго подъема.

Нищета рабочихъ массъ возрастаетъ до крайнихъ предѣловъ. Взрослые голодаютъ; дѣти вымираютъ; развивается проституція; увеличивается число „преступленій" противъ личности и собственности. Всѣ язвы капиталистическаго общества раскрываются яркими кровавыми цвѣтами.

Государственная власть стараго режима безсильна справиться даже съ внѣшними проявленіями глубокаго соціальнаго кризиса. Но и народное движеніе, подавленное реакціей, лишено возможности вырвать у правительства и господствующихъ классовъ настолько серьезныя уступки, чтобы смягчить хотя отчасти бѣдствія нищеты и безработицы.

При такихъ условіяхъ тысячи тружениковъ опускаются на дно и начинаютъ единоличную борьбу противъ всего общества за кусокъ хлѣба, за существованіе. И здѣсь анархическая идеологія является покровомъ, который услужливо набрасывается на болѣзни капиталистическаго общества, потрясеннаго революціонной бурей.

Поскольку такое состояніе еще будетъ продолжаться—а мы не можемъ думать, что оно скоро измѣнится — анархизмъ всегда будетъ находить удобную почву и, прорастая въ рабочихъ кругахъ, отвлекать ихъ отъ плодотворной соціалистической работы.

Гибельное вліяніе анархизма не ограничивается, однако, тѣми группами, которыя ему удается завоевать въ широкихъ массахъ. Этотъ явный анархизмъ гораздо менѣе, быть можетъ, опасенъ, чѣмъ анархизмъ скрытый, проявляющійся только въ идейномъ воздѣйствіи на сложившіяся уже революціонныя партіи.

Между тѣмъ, скрытый анархизмъ у насъ распространенъ, пожалуй, гораздо болѣе явнаго, и Кульчицкій очень удачно отмѣтилъ это явленіе, которое заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго изслѣдованія.

Анархизмъ стоялъ у колыбели русскаго революціоннаго движенія. Бакунинъ, Кропоткинъ, отчасти Лавровъ слишкомъ долго пропитывали русскую интеллигенцію анархическими идеями, чтобы онѣ исчезли безслѣдно даже при возникновеніи и развитіи соціалъ-демократическаго движенія, не говоря уже о направленіи соціалистовъ-революціонеровъ съ ихъ мечтами о „полу-соціалистической революціи“.

Максимализмъ у соціалистовъ-революціонеровъ и ленинизмъ или большевизмъ у соціалъ-демократовъ представляютъ два теченія, въ которыхъ стихійно-анархическія настроенія широкихъ массъ сливаются въ одно цѣлое съ наслѣдственными идеями сознательнаго анархизма русской интеллигенціи. Бойкотъ Государственной Думы, лихорадочная организація боевыхъ дружинъ, проповѣдь „партизанской“ тактики, противоположеніе „демократичности“ переживаемой революціи ея „буржуазности“—все это плоды скрытаго анархизма, нашедшаго убѣжище въ тайникахъ даже непримиримо враждебныхъ ему партій.

И если, какъ основательно указываетъ Кульчицкій, соціалистическія партіи оказались неподготовленными къ борьбѣ съ анархистами, то это, въ значительной степени, объясняется не только отсутствіемъ чуткой осторожности и дѣятельнаго вниманія съ ихъ стороны, но и внутренними болѣзнями ихъ, присутствіемъ въ нихъ анархическаго червя, который подтачиваетъ здоровые организмы соціалистическихъ организацій. Между тѣмъ, отсутствіе достаточно энергичнаго и умѣлаго сопротивленія анархизму привело къ возникновенію значительнаго количества анархическихъ элементовъ въ рабочихъ массахъ.

Въ Петербургѣ, Москвѣ, въ центральной Россіи, въ Одессѣ, въ западномъ и въ юго-западномъ краяхъ, на

Кавказѣ—анархизмъ имѣетъ уже послѣдователей. Въ октябрь-ноябрьскіе дни въ Бѣлостокѣ анархисты даже держали въ своихъ рукахъ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, несмотря на то, что Бѣлостокъ является однимъ изъ видныхъ центровъ дѣятельности польскихъ и еврейскихъ соціалистическихъ партій.

Наряду съ воинствующимъ анархизмомъ начинаетъ развиваться и другая болѣе или менѣе мирная форма его, т. н. революціонный синдикализмъ, поощряемый до нѣкоторой степени идеологами буржуазіи въ качествѣ отвлеченія пролетаріата отъ самостоятельной классовой политики. Извѣстно, что профессіональные союзы, такъ быстро сплачивающіе теперь разрозненные элементы рабочаго класса, дали убѣжище значительному числу синдикалистовъ-анархистовъ.

Надъ рабочимъ движеніемъ со всѣхъ сторонъ нависаютъ опасности. Соціалъ-демократія должна проснуться. Она и въ Россіи перестала быть единственной партіей, которая, несмотря ни на что, шла въ рабочую среду и несла туда свѣтъ классового самосознанія.

Многіе спорятъ теперь о вліяніи на пролетаріатъ, и соціалъ-демократія должна дать энергичный и умѣлый отпоръ всѣмъ притязаніямъ новыхъ и неожиданныхъ „друзей“ рабочаго класса. Для этого она, прежде всего, должна вооружить своихъ работниковъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній объ анархизмѣ.

Предлагаемая брошюра ставитъ эту задачу.

Кульчицкій въ ясной и популярной формѣ сообщаетъ теоретическія и фактическія свѣдѣнія, необходимыя соціалъ-демократическимъ работникамъ въ Россіи. Мы надѣемся, что его книжка дойдетъ до тѣхъ, для кого она написана.

Н. И. Іорданскій.

Анархизмъ въ Россіи.

Въ совершающихся событіяхъ въ Россіи и проявленіяхъ массоваго движенія, въ городѣ или въ деревнѣ, въ отдѣльныхъ актахъ борьбы революціонеровъ съ правительствомъ—мы обычно наблюдаемъ участіе соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, совершенно забывая, что въ великомъ потокѣ, представляющемъ современное общественно-политическое движеніе въ Россіи, играютъ нѣкоторую роль также и анархическія теченія, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства даже довольно значительную.

Самые ярые противники анархизма въ революціонномъ лагерѣ до послѣдняго времени совершенно пренебрегали анархическимъ движеніемъ вообще, а русскимъ въ частности, полагая, что въ Россіи оно не будетъ имѣть никакого значенія. И потому-то въ крупныхъ центрахъ эмиграціи и учащейся молодежи: въ Женевѣ, Парижѣ и другихъ мѣстахъ, соціалъ-демократы не посѣщали анархическихъ рефератовъ, не боролись съ ихъ взглядами и не подвергали ихъ критикѣ въ своихъ многочисленныхъ изданіяхъ.

Анархисты же тѣмъ временемъ печатали свои брошюры, распространяли ихъ въ Россіи, завязывали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ связи съ рабочими и крестьянами,

выступали на крупныхъ публичныхъ собраніяхъ и вербовали сторонниковъ.

Соціалисты не были подготовлены къ борьбѣ съ анархистами: они не были знакомы съ ихъ теоріями и аргументами, которыми тѣ защищались. Соціалисты-революціонеры оказались еще менѣе подготовленными къ борьбѣ съ антигосударственными теченіями, тѣмъ болѣе, что нѣкоторая часть ихъ, какъ мы замѣтимъ ниже, приблизилась къ анархизму,—я имѣю въ виду такъ называемыхъ максималистовъ.

Чаще другихъ съ анархистами сталкивались бундовцы, но и они не были подготовлены къ борьбѣ съ ними. То же самое можно сказать и о польскихъ партіяхъ. А между тѣмъ въ Польшѣ анархисты увлекли за собой часть рабочихъ и ведутъ „энергичную" дѣятельность, которая, безъ отношенія къ своимъ мотивамъ, является по своимъ результатамъ вредной.

Я полагаю, что будетъ весьма своевременно охарактеризовать русскій анархизмъ. Однако, надлежащее его пониманіе и оцѣнка требуютъ знакомства какъ съ сущностью самой доктрины, такъ и съ движеніемъ, вызваннымъ сторонниками анархизма на Западѣ. И потому-то, прежде чѣмъ перейти къ непосредственному предмету статьи, я постараюсь дать читателямъ общее понятіе объ анархизмѣ.

I.

Сущность анархизма заключается въ признаніи полной, никакимъ закономъ не стѣсняемой свободы отдѣльнаго человѣка и добровольно возникшихъ, могущихъ

въ каждый моментъ распустить себя, человѣческихъ группъ, состоящихъ изъ единицъ, не связанныхъ никакимъ принужденіемъ.

Доктрина анархизма пережила нѣсколько фазъ своего развитія. Вначалѣ она была почти исключительно индивидуалистической и не соединялась ни съ какими соціалистическими и коммунистическими системами,—дѣло шло только объ абсолютной свободѣ единицы. Штирнеръ—выдающійся представитель этого направленія; анархистъ Прудонъ отрицаетъ коммунизмъ, противопоставляя ему свободный мутуализмъ.

Индивидуалистическій анархизмъ не былъ широкимъ общественнымъ теченіемъ, въ которомъ бы принимали участіе крупные общественные круги; онъ сталъ таковымъ только послѣ реформированія анархизма Бакунинымъ.

Реформа Бакунина заключалась въ соединеніи анархизма съ коллективизмомъ. Великій революціонеръ прекрасно понималъ, что даже абсолютная свобода человѣческой единицы безъ коренныхъ перемѣнъ въ капиталистическомъ строѣ будетъ одной лишь фикціей,—и потому-то онъ признавалъ необходимость коллективизма, т. е. передачи обществу, вѣрнѣе—общественнымъ группамъ, орудій труда въ видѣ копей, фабрикъ, земли и путей сообщенія.

Бакунинъ, по сравненію съ другими анархистами, имѣлъ относительно болѣе развитый практическій умъ, и потому признавалъ необходимость строгой организаціи въ борьбѣ съ современнымъ строемъ, организаціи часто даже централистической; что же касается вопроса о будущемъ общественномъ строѣ, то, не давая его окончательнаго рѣшенія, онъ утверждалъ, что люди должны

добровольно соединиться въ группы, послѣднія—въ общины, которыя, въ свою очередь, должны создать высшія территоріальныя единицы и т. д. Онъ утверждалъ, что современной государственной организаціи, идущей отъ верху къ низу, необходимо противопоставить другую, идущую съ низу въ верхъ. Въ одной изъ своихъ статей онъ даже говорилъ, что ему вовсе не такъ важно абсолютное устраненіе государственныхъ элементовъ изъ современнаго строя, какъ важно ихъ полнѣйшее преобразованіе.

Вообще Бакунинъ мало занимался вопросами будущаго строя; для него важнѣе было разрушеніе настоящаго и возможность созданія новаго строя. Бакунинъ былъ федералистъ и революціонеръ и до нѣкоторой степени отличался отъ современныхъ ему анархистовъ. Тутъ не мѣсто вдаваться въ характеристику его многосторонней дѣятельности,—я сдѣлалъ это въ другомъ мѣстѣ, гдѣ также весьма подробно представилъ развитіе доктрины анархизма [1]). При жизни Бакунина коллективистическій анархизмъ широко развился, главнымъ образомъ въ Италіи, Испаніи, Бельгіи, отчасти въ Швейцаріи, Франціи и Голландіи. Бакунинъ считалъ его выраженіемъ стремленій неквалифицированныхъ рабочихъ, люмпенпролетаріата и вообще бѣднѣйшихъ общественныхъ слоевъ. До Бакунина анархизмъ не былъ, строго говоря, революціоннымъ направленіемъ; только онъ придалъ ему такой характеръ. Однако, его дѣятельность значительно разнилась отъ той, какую зачастую вели и ведутъ его послѣдователи. Онъ стре-

---

[1]) Л. Кульчицкій: „Современный анархизмъ". Русское изданіе Г. С. Цукермана. Петербургъ, 1906 г.

мился вызывать вооруженныя возстанія, цѣлью которыхъ было разрушеніе существующаго порядка въ различныхъ государствахъ; террористическія же покушенія, направленныя противъ отдѣльныхъ личностей, не входили въ его планы... Бакунинъ отрицалъ парламентаризмъ и политико-реформаторскую дѣятельность соціалъ-демократіи.

Послѣ его смерти анархизмъ подвергся новой эволюціи. Вначалѣ въ немъ обрисовалось два направленія: первое, представляемое Бруссомъ, позднѣе руководителемъ французскихъ поссибилистовъ, рекомендовало созданіе свободныхъ производительныхъ союзовъ, а не территоріальныхъ единицъ; второе, представителемъ котораго былъ Гильомъ, рекомендовало созданіе территоріальныхъ единицъ, заключающихъ въ себѣ даже государственныя начала. Гильомъ высказывается за полный коммунизмъ въ отдаленномъ будущемъ. Бруссъ, не желая создавать территоріальныхъ общинъ, во избѣжаніе всякихъ элементовъ власти, не смогъ, однако, совершенно обойтись безъ нихъ, ибо онъ самъ признался, что есть нѣкоторыя общественныя потребности, свойственныя всѣмъ людямъ, какъ, напримѣръ, пропитаніе: слѣдовательно, тѣмъ самымъ, на ряду съ отдѣльными производительными союзами, должны существовать союзы, охватывающіе все общество, задачей которыхъ будетъ снабженіе гражданъ пищей; такіе союзы, естественно, будутъ требовать извѣстной централизаціи функцій, которая повлечетъ за собой неизбѣжность возникновенія нѣкоторыхъ государственно-территоріальныхъ началъ.

Гильомъ открыто признаетъ неизбѣжность нѣкоторыхъ институтовъ, надѣленныхъ властью. Въ его общи-

нахъ производство должно регулироваться статистическими комитетами и съѣздами делегатовъ производительныхъ союзовъ; на стражѣ безопасности долженъ стоять родъ общинной полиціи, состоящей изъ лицъ, не исключительно отдавшихся этому ремеслу, но изъ гражданъ, поочередно отбывающихъ указанную повинность; преступники временно должны быть лишаемы свободы. Значитъ, долженъ быть кто-нибудь, кто бы имѣлъ право лишать свободы гражданъ. Мы видимъ, какъ при подробномъ разсмотрѣніи будущаго строя, желаемаго анархистами, неизбѣжно возникаетъ мысль о необходимости какой бы то ни было власти. Только другъ Бакунина Кафіеро обосновалъ, въ противовѣсъ коллективистическому, необходимость коммунистическаго анархизма. По его мнѣнію, сохраненіе частной собственности на предметы личнаго пользованія, въ противоположность орудіямъ труда, имѣетъ свои плохія стороны: оно приведетъ къ раздѣленію труда на категоріи и къ его различной оцѣнкѣ, что весьма трудно, къ разграниченію труда на благородный и неблагородный. Кафіеро рекомендуетъ анархическій коммунизмъ.

Болѣе подробно и съ бо̀льшимъ умомъ и глубиной теорія анархизма была обоснована Кропоткинымъ. Я не могу здѣсь вдаваться въ подробное и полное изложеніе взглядовъ Кропоткина; интересующихся отсылаю къ своему указанному уже труду и другимъ источникамъ, (напр., Эльцбахеру [1]), которые недавно появились въ русскомъ переводѣ. Я лишь подчеркиваю, что въ произведеніяхъ Кропоткина анархическая мысль достигла своихъ вершинъ. Въ настоящей статьѣ я остановлюсь лишь

[1]) Лучш. перев., по отзыв. печати,—въ изданіи О. Н. Поповой.

на главнѣйшихъ взглядахъ выдающагося теоретика анархизма.

Въ критикѣ современнаго строя Кропоткинъ мало что добавляетъ къ выводамъ своихъ предшественниковъ: онъ выступаетъ противъ всякой юридическо-государственной организаціи, обязывающей меньшинство подчиняться рѣшенію большинства, борется противъ парламентаризма, противъ всякаго правительства, и даже временнаго революціоннаго; видитъ возможность установленія въ будущемъ коммунистическо-анархическаго строя, и даже его неизбѣжность, что и старался подробно развить въ спеціальномъ трудѣ: „Завоеваніе хлѣба". Кропоткинъ основываетъ теорію анархизма на почвѣ этики и философіи. Онъ придаетъ большое значеніе здравому человѣческому смыслу, его чувству справедливости и самодѣятельности; послѣ паденія современнаго строя умѣло руководимыя могучія производительныя силы, даже въ настоящее время, сдѣлали бы возможнымъ введеніе анархическаго коммунизма, основаннаго на свободныхъ человѣческихъ союзахъ.

Кропоткинъ отрицаетъ въ будущемъ строѣ всѣ пережитки власти и государства, всякіе статистическіе комитеты, регулирующіе производство, не признаетъ необходимости этаповъ по пути къ коммунистическому анархизму. Въ противоположность Бакунину, онъ отрицаетъ строгую революціонную организацію даже въ настоящее время; придаетъ большое значеніе индивидуальнымъ революціоннымъ актамъ. Неудачныя возстанія во времена Бакунина и вскорѣ послѣ его смерти привели Кропоткина къ террору и убѣдили его въ необходимости долгой и систематической подготовки къ соціальной революціи.

Недавно умершій знаменитый географъ Реклю развивалъ тѣ же взгляды, что и Кропоткинъ, и былъ согласенъ съ нимъ въ вопросахъ тактики; въ пониманіе анархизма онъ не вложилъ новыхъ идей, написалъ лишь интересную книгу объ „Эволюціи и Революціи“; въ тактикѣ придавалъ большую важность всеобщей стачкѣ.

Ученикомъ двухъ указанныхъ писателей является Жанъ Гравъ, авторъ многочисленныхъ трудовъ объ анархизмѣ. Вмѣстѣ съ ними онъ творецъ школы доктринерскаго анархизма. По сравненію же съ ними онъ менѣе талантливый писатель и пишетъ весьма растянуто.

Нѣсколько иные взгляды проводитъ Малато: по его мнѣнію, соціализмъ есть переходная форма къ анархизму; послѣ торжества, однако, послѣдняго въ нѣкоторыхъ государствахъ необходимо будетъ сорганизовать защиту новаго порядка, что повлечетъ за собою необходимость нѣкоторой военной власти, иной, нежели настоящая, но требующей существованія вождей.

По мнѣнію Малато, послѣ революціи, создавшей новый порядокъ вещей, обмѣнъ товаровъ будетъ подчиненъ нѣкоторой регламентаціи. Вообще же этотъ писатель склоненъ къ компромиссамъ, и его взгляды не носятъ того абсолютнаго характера, какой они имѣютъ у другихъ апостоловъ анархизма.

Голландскій анархистъ Корнелиссенъ значительно разнится отъ анархистовъ-доктринеровъ и является собственно главнымъ теоретикомъ новаго направленія. Онъ видитъ главный центръ тяжести движенія въ рабочихъ союзахъ и въ ихъ экономической дѣятельности, направленной противъ капиталистовъ. По его мнѣнію, уничтоженіе класса капиталистовъ произойдетъ такимъ образомъ, что, уступая постоянно рабочему классу, въ

концѣ концовъ капиталисты будутъ не въ состояніи вести безъ убытковъ далѣе свои предпріятія. Крупный экономическій кризисъ, всеобщая стачка и безработица—вотъ причины, которыя вызовутъ соціальную революцію.

Корнелиссенъ справедливо утверждаетъ, что Кропоткинъ—оптимистъ, полагая, что послѣ побѣды революціи анархическій коммунизмъ во всей своей полнотѣ сможетъ восторжествовать въ чистой формѣ. Корнелиссенъ допускаетъ необходимость созданія комитетовъ, регулирующихъ производство; онъ признаетъ также необходимость разрѣшать вопросы въ производительныхъ союзахъ большинствомъ. Недовольное меньшинство можетъ всегда уйти и присоединиться къ другимъ союзамъ или создать новый. Рѣшеніе большинства должно быть обязательно. Это уже есть отступленіе отъ принциповъ чистаго анархизма.

Корнелиссенъ полагаетъ также, что первое время послѣ общественнаго переворота ввести чистый коммунизмъ не удастся и что люди будутъ вознаграждаться сообразно своему труду. Вообще этотъ писатель допускаетъ въ будущемъ общественномъ строѣ существованіе пережитковъ. Критикуя государство и его реформы, онъ дѣлаетъ нѣкоторое исключеніе для фабричнаго законодательства, просвѣщенія, культуры и т. п. Онъ полагаетъ, что пройдетъ много вѣковъ, прежде чѣмъ коммунистическо-анархическій строй установится и вполнѣ разовьется.

Въ противоположность другимъ анархистамъ, Корнелиссенъ—рѣшительный противникъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ; они кажутся ему неспособными перейти къ высшему общественному строю; онъ полагаетъ также,

что, только благодаря экспропріаціи ихъ собственности, силой экономическаго развитія, они станутъ сторонниками новаго общественнаго строя.

Я назвалъ тутъ различныхъ писателей — теоретиковъ анархизма, дабы показать, что даже въ періодъ, когда коммунистическія идеи получили въ немъ рѣшительное преобладаніе, онъ все-таки не является цѣльнымъ направленіемъ.

Переходя отъ анархическихъ писателей къ самому направленію, я долженъ охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ только его главное теченіе, не имѣя возможности говорить о всѣхъ его оттѣнкахъ.

Первое направленіе, теоретиками котораго были и отчасти есть Кропоткинъ, Реклю и Гравъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ было преобладающимъ. Его сторонники сконцентрировали свою дѣятельность преимущественно на пропагандѣ анархическихъ принциповъ; террору, примѣняемому направо и налѣво противъ представителей буржуазіи и правительства, они не придавали никакого значенія, признавая дѣйствительность только покушеній, направленныхъ противъ лицъ особенно вредныхъ съ ихъ точки зрѣнія.

Представители этого направленія были и есть революціонеры; они хотятъ подготовиться къ взрыву, но противники преждевременныхъ и невѣрныхъ предпріятій. Они признаютъ важность всеобщей стачки, но не возлагаютъ на нее главныхъ революціонныхъ надеждъ. Нѣкоторые изъ нихъ рекомендуютъ организовывать анархическія колоніи. Всѣ осуждаютъ кражу, какъ средство пропаганды и агитаціи, или какъ частичную экспропріацію. Гравъ говоритъ о ней приблизительно такъ: каждый имѣетъ право на жизнь и можетъ взять

необходимыя для этого средства у того, кто ихъ имѣетъ; но онъ долженъ дѣлать это явно,—тогда это уже не кража, но актъ революціонной экспропріаціи. Кража же должна совершаться при помощи всевозможныхъ обмановъ и хитростей, деморализующихъ характеръ человѣка. Начинаютъ съ обкрадыванія буржуевъ, а кончаютъ обкрадываніемъ тѣхъ, кого легче обокрасть.

Разсматриваемое направленіе отрицаетъ всякія формы власти въ будущемъ строѣ.

Другое направленіе, болѣе крайнее въ отношеніи способовъ борьбы, признаетъ и рекомендуетъ уничтоженіе представителей правящихъ классовъ и буржуазіи, безъ отношенія къ ихъ личной роли въ общественно-политической жизни. Къ этому направленію принадлежали убійцы австрійской императрицы Елисаветы и всѣ тѣ, которые бросали бомбы въ общественныя мѣста, направляя ихъ не противъ какихъ-либо личностей, особенно вредныхъ съ ихъ точки зрѣнія, но въ видѣ протеста противъ современнаго общества. Это направленіе рекомендуетъ кражу, признавая ее революціоннымъ актомъ, преддверіемъ общей экспропріаціи.

Представители крайняго анархизма часто весьма враждебно относятся къ представителямъ доктринерской школы. Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ своихъ мимолетныхъ органовъ, они писали о Кропоткинѣ и Реклю, называя ихъ папами и угрожая покушеніемъ на ихъ жизнь.

Наконецъ третье направленіе — компромиссное. Наиболѣе типичнымъ теоретическимъ выразителемъ его является Корнелиссенъ. Это направленіе признаетъ

рабочія организаціи, принципъ большинства, готово на небольшіе компромиссы въ принципѣ власти для руководства революціей и укрѣпленія ея результатовъ. Рѣшительно отрицаетъ, однако, парламентаризмъ и законченную государственную организацію. До сихъ поръ это направленіе точно сформулировало свои взгляды только по вопросу профессіональныхъ союзовъ.

Кромѣ анархистовъ-коммунистовъ, есть еще анархисты-индивидуалисты,—какъ, напримѣръ, Туккеръ въ Америкѣ,—въ общемъ составляющіе, однако, исключеніе.

Каковъ же вообще генезисъ анархическаго движенія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ удовлетворительно, нужно раздѣлить его на нѣсколько вопросовъ,—т. е. необходимо изслѣдовать причины возникновенія индивидуалистическаго и коммунистическаго анархизма, доктринъ и движенія, охватывающаго широкіе круги.

Общественное развитіе со своимъ раздѣленіемъ труда, скрещиваніемъ разнородныхъ всемірныхъ теченій, ростомъ науки, литературы и т. п. освободило человѣческую единицу отъ путъ традицій и вліянія окружающей среды; пробудило въ ней стремленіе къ индивидуализму.

Послѣдній принималъ самыя разнородныя формы. Индивидуалистическій анархизмъ былъ его крайнимъ выраженіемъ.

Развитіе капитализма, ведущее къ экономической зависимости и, что за тѣмъ слѣдуетъ, ко всякой другой громадныхъ массъ населенія отъ горсти привилегированныхъ лицъ, ясно доказало индивидуалистамъ, что независимость человѣческой единицы можетъ быть

достигнута только путемъ коренныхъ общественныхъ реформъ, совершенно измѣняющихъ современный строй. Этимъ и объясняется преобразованіе индивидуалистическаго анархизма въ коммунистическій.

Но въ общемъ, идея абсолютной антигосударственности и безвластія—анархія—по существу могла интересовать и интересовала только отдѣльныя единицы съ сильно развитымъ индивидуализмомъ. Такія единицы, не составляя массы, не могли создать анархическаго движенія; оно возникло по другимъ причинамъ. Не крайній индивидуализмъ, не антигосударственное доктринерство были его источниками, но что-то совершенно иное.

Современный рабочій классъ не является цѣльнымъ; мы легко замѣчаемъ въ немъ три слоя: первый—рабочихъ квалифицированныхъ, хорошо оплачиваемыхъ, составляющихъ какъ бы рабочую аристократію; второй—среднихъ рабочихъ, имѣющихъ постоянный заработокъ, получающихъ среднюю плату; наконецъ третій—безработныхъ, или имѣющихъ работу время отъ времени, плохо оплачиваемыхъ инвалидовъ судьбы; къ этой категоріи слѣдуетъ причислить интеллигентный пролетаріатъ, или, скорѣе, его бѣднѣйшую часть.

Выраженіемъ стремленій рабочихъ первой категоріи является тредъ-юніонизмъ; второй — соціалъ-демократія; наконецъ третьей—анархизмъ.

Квалифицированные рабочіе могутъ безъ вмѣшательства государства и при современномъ общественномъ строѣ достичь относительно высокой степени благосостоянія, создавая сильные профессіональные союзы; рабочіе второй категоріи уже не могутъ достигнуть сноснаго существованія путемъ одних со-

юзовъ,—для нихъ государственное вмѣшательство необходимо; ихъ идеалы переходятъ границы капиталистическаго строя и приводятъ ихъ въ ряды соціалъ-демократіи; наконецъ рабочіе третьей категоріи находятся въ такомъ ужасномъ положеніи, что путь медленныхъ реформъ, вводимыхъ постепенно, съ теченіемъ общественнаго развитія, не можетъ улыбаться имъ; они требуютъ немедленной помощи, но не въ видѣ сокращенія рабочаго дня или повышенія заработной платы, ибо у нихъ нѣтъ постояннаго заработка. Для нихъ спасеніе возможно только путемъ насильственнаго общественнаго переворота, непосредственной цѣлью котораго является коммунизмъ. Руководители соціалъ-демократическихъ партій, отчасти въ силу своего относительно привилегированнаго положенія, отчасти благодаря трудности немедленнаго общественнаго переворота, — обычно удерживаютъ массы (по крайней мѣрѣ въ государствахъ строго и давно конституціонныхъ) отъ революціи.

Немедленный переходъ къ коммунизму путемъ революціи и свободной инціативы единицъ и массъ— вотъ идеалъ бѣднѣйшаго класса физическихъ и умственныхъ рабочихъ. Революціонно-коммунистическій анархизмъ обѣщаетъ осуществленіе этого идеала — и они льнутъ къ нему.

Но выполнимо ли обѣщаніе анархизма? Нѣтъ, и вотъ по какимъ причинамъ:

По мѣрѣ развитія цивилизаціи будетъ усиливаться и индивидуализмъ единицъ, т. е. ихъ чувства, желанія и взгляды будутъ все болѣе различны. И потому отношенія людей въ общественныхъ группахъ и группъ между собой не смогутъ обойтись хотя бы безъ мини-

мальной государственной власти и писаныхъ законовъ съ обязательной силой, безъ принципа большинства.

Только въ первобытныхъ обществахъ, относительно малыхъ, въ которыхъ всѣ живутъ и работаютъ совмѣстно, въ обществахъ съ слабо развитымъ раздѣленіемъ труда,—вырабатывается почти одинаковая психологія единицъ, которая дѣлаетъ излишнимъ государство. Иначе происходитъ въ дифференцированныхъ обществахъ.

Мы уже видѣли, что даже нѣкоторые анархисты сами не обманываются надеждой, что общество будущаго можетъ обойтись безъ всякихъ элементовъ власти, безъ признанія права большинства. Но коль скоро мы допустимъ хотя бы въ принципѣ рѣшеніе при помощи большинства по вопросамъ общественныхъ группъ — тотчасъ же съ неумолимой послѣдовательностью должны возникнуть какіе бы то ни было законы, обязывающіе массу,—зародыши власти, которые разовьются съ теченіемъ времени.

Но если допустить даже, что въ обществѣ будущаго моральное развитіе единицъ будетъ неслыханно высоко, такъ что не будетъ опасности, что одни будутъ угнетать и эксплоатировать другихъ, то и тогда однѣ хозяйственныя потребности высоко развитаго общества призовутъ къ жизни государство.

Благосостояніе всего общества, необходимое условіе коммунистическаго строя, котораго такъ жаждутъ анархисты, требуетъ высокой производительности труда, крупнаго производства, раздѣленія труда и централизированной системы производства богатствъ. Всѣ эти функціи несомнѣнно потребуютъ руководства, что за-

ставляетъ предполагать существованіе группы людей, облеченныхъ руководящей властью, и наличность нѣкоторой іерархіи въ организаціи производства.

Централизованное производство никакимъ образомъ не можетъ обойтись безъ государства. Правда, Энгельсъ полагаетъ, что въ будущемъ строѣ власть надъ людьми уступитъ мѣсто власти надъ вещами; но это отнюдь не можетъ означать уничтоженія государства во всѣхъ его видахъ. Вещи находятся подъ властью людей, производятся людьми, а значитъ и власть надъ вещами означаетъ, въ извѣстныхъ границахъ, власть надъ людьми, которые владѣютъ этими вещами, производятъ ихъ, переносятъ съ мѣста на мѣсто, пользуются ими и т. д.

Формы государства и власти, конечно, подвергнутся многимъ измѣненіямъ въ общественномъ строѣ, но самая власть, руководящіе и регулирующіе институты, надѣленные властью, останутся въ той или иной формѣ. И потому-то ошибочно утвержденіе тѣхъ, которые, борясь съ анархистами, пытаются на основаніи нѣсколькихъ цитатъ изъ Энгельса, не вникая глубоко въ ихъ истинное значеніе, доказать, что при соціалистическомъ строѣ государство постепенно будетъ исчезать.

Другія утвержденія анархизма я подвергну критикѣ при анализѣ анархической русской прессы.

II.

До сихъ поръ я главнымъ образомъ говорилъ о доктринѣ анархизма, а также о генезисѣ анархиче-

скаго движенія. Слѣдуетъ теперь охарактеризовать его различныя формы.

Въ эпоху Бакунина среди европейскихъ анархистовъ преобладало стремленіе къ организаціи вооруженныхъ революцій, а также и небольшихъ возстаній; позднѣе установился взглядъ, „что необходимо углубить пропаганду и начать террористическую дѣятельность“; но когда и послѣдняя не дала желаемыхъ результатовъ, но, наоборотъ, вскрыла безцѣльность подобныхъ покушеній, какъ, напримѣръ, на императрицу Елисавету, президента Соединенныхъ Штатовъ или общественныя мѣста — кофейня въ Парижѣ и т. п., и вызвала негодованіе даже среди радикально настроенной части западно-европейскаго общества, — въ анархическомъ лагерѣ начали искать новыхъ путей.

Тогда-то и возникло движеніе, которое въ данный моментъ пріобрѣло на Западѣ многочисленныхъ сторонниковъ среди рабочаго класса.

Анархисты, отрицающіе государство и парламентаризмъ, пошли на компромиссъ и стали вступать въ профессіональные союзы, добиваться тамъ вліянія и организовывать новые союзы.

Политической борьбѣ въ парламентѣ они противопоставляли экономическую борьбу подъ руководствомъ профессіональныхъ союзовъ.

Къ этому движенію присоединились и нѣкоторые соціалисты, разочаровавшіеся въ парламентаризмѣ, вслѣдствіе относительно малыхъ завоеваній, какихъ добились при его помощи за послѣднее время рабочіе Западной Европы. Теоретикомъ недовольныхъ соціалистовъ выступилъ Сорель, старый марксистъ, на кото-

раго анархическая литература оказала сильное вліяніе и пробудила отрицательное отношеніе къ общественнымъ реформамъ, проводимымъ государствомъ.

Сорель и его сторонники одинаково ненавидѣли и ненавидятъ какъ соціалистическій оппортунизмъ, представляемый Бернштейнами, Жоресами (раньше) и тому подобными, такъ и революціонный соціализмъ Каутскихъ, Плехановыхъ, Гедовъ и другихъ,—которые считаютъ необходимымъ приступить къ захвату политической власти соціалистами только тогда, когда рабочій классъ будетъ уже достаточно силенъ и подготовленъ къ тому.

Въ политической практикѣ Западной Европы нѣтъ принципіальной разницы между революціонными и оппортунистическими соціалистами. Это особенно замѣтно въ Германіи, гдѣ противъ революціонной тактики—напр., агитаціи среди войскъ и энергичныхъ уличныхъ выступленій —одинаково борятся представители какъ правой, такъ и лѣвой германской соціалъ-демократіи.

Такимъ путемъ возникло новое полуанархическое, полусоціалистическое направленіе [1]), сконцентрировавшее вокругъ себя во французскихъ рабочихъ синдикатахъ и биржахъ труда около 600 тысячъ рабочихъ. Правда, не всѣ они рѣшительные противники парламентаризма и государства. Въ отдѣльности каждый рабочій можетъ голосовать или нѣтъ во время выборовъ. Но синдикаты и биржи труда, какъ составляющіе одно цѣлое,—„Всеобщую Конфедерацію Труда“,—не ведутъ

---

[1]) См. объ этомъ Мазовецкаго: Nowy zkierunek w socjalizmie europejskim. 1905 г.

никакой парламентской дѣятельности и рѣшительно высказываются противъ нея.

Организація рабочаго класса, стачекъ вообще, а всеобщей въ частности, одновременно съ антимилитарной агитаціей,—вотъ задачи революціонныхъ полуанархическихъ французскихъ синдикатовъ.

На 1-е мая текущаго года они назначили фактическое введеніе восьмичасового рабочаго дня. Какъ извѣстно, кромѣ довольно значительныхъ волненій въ нѣсколькихъ городахъ Франціи, этотъ актъ ихъ совершенно не проявилъ своей силы. Теоретическая доктрина революціонныхъ синдикалистовъ, въ своей критикѣ государства и парламентаризма, дѣлаетъ тѣ же ошибки, что и анархическая.

Она не принимаетъ во вниманіе того несомнѣннаго факта, что типъ государства даетъ преобладаніе тѣмъ или другимъ общественнымъ классамъ. что онъ создаетъ въ коллективной жизни извѣстный общественный подборъ и что, наконецъ, законодательство, не будучи въ силахъ сдѣлать все, играетъ въ извѣстныхъ границахъ дѣятельную роль, пренебрегать которой нельзя и не слѣдуетъ.

Я не могу здѣсь, изъ-за отсутствія мѣста, развивать эти мысли, тѣмъ болѣе, что могу отослать интересующихся читателей къ пятой части моей книги „Современный Анархизмъ“, а также къ указанной уже статьѣ Мазовецкаго. Но слѣдуетъ указать на ошибочность взгляда, что рабочіе союзы ограждаютъ пролетаріатъ отъ оппортунизма, что только парламентаризмъ вызываетъ компромиссное направленіе въ рабочемъ движеніи.

На самомъ дѣлѣ это не такъ, доказательствомъ

чего служатъ англійскіе тредъ-юніоны или же французскіе рабочіе желтые синдикаты [1]). Послѣдніе стоятъ на почвѣ общественнаго консерватизма. Рабочій классъ, за исключеніемъ его аристократіи — квалифицированныхъ рабочихъ, слишкомъ слабъ, дабы имѣть возможность безъ вмѣшательства государства улучшить свой бытъ. Революціонные синдикаты во Франціи экономически слабы, а биржи труда, вопреки своимъ принципамъ, пользуются субсидіями отъ государства, департаментовъ и муниципалитетовъ, что доказалъ въ свое время Гедъ.

Идея всеобщей стачки уже давно стала популярной въ чисто рабочихъ кругахъ. Это ясно изъ резолюцій различныхъ рабочихъ съѣздовъ, происходящихъ во Франціи съ 1878 года до настоящаго времени. Соціалъ-демократы постоянно боролись противъ всеобщей стачки; зато анархисты энергично защищали ее, ведя широкую агитацію за всеобщую стачку въ разныхъ государствахъ. Въ настоящее время можно констатировать, что вообще всѣ соціалистическія партіи постепенно мѣняютъ свой взглядъ по вопросу о всеобщей стачкѣ.

Синдикальное движеніе во Франціи съ анархическимъ оттѣнкомъ, сообразно обстоятельствамъ, будетъ подвергаться преобразованію, и, быть можетъ, сама жизнь толкнетъ его на иной путь. Но прежде чѣмъ это случится, пройдетъ довольно много времени. Безъ участія въ политической жизни государства синдикальное движеніе не добьется ничего серьезнаго.

---

[1]) Союзы, совершенно отрицающіе политическую дѣятельность.

Въ Италіи, Испаніи, Голландіи, а отчасти и въ Германіи также существуетъ синдикальное движеніе съ сильной анархической окраской. Въ двухъ первыхъ государствахъ оно весьма значительно, особенно въ Испаніи.

Наконецъ, нѣкоторые анархисты пытались осуществить свои идеалы, организуя въ заокеанскихъ странахъ свободныя общины, въ которыхъ воцарился бы коммунизмъ безвластія. Но и эти попытки оказались неудачными.

III.

Теперь мы можемъ перейти къ главному предмету нашей статьи—анархическому движенію въ Россіи.

Революціонное движеніе въ Россіи пережило нѣсколько фазъ, и было время, когда анархизмъ Бакунина составлялъ въ немъ главное теченіе, болѣе сильное, чѣмъ всѣ остальныя.

Въ концѣ прошлаго десятилѣтія за-границей среди русскихъ эмигрантовъ анархизмъ началъ пользоваться значительнымъ успѣхомъ; но въ самой Россіи онъ завоевалъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ еще въ годы съ 1872 по 1879. Въ этотъ періодъ у насъ царило три революціонно-соціалистическихъ направленія: бакунизмъ, лавризмъ и родъ русскаго бланкизма, представляемый Ткачевымъ и его органомъ „Набатъ“.

Всѣ три направленія сходились въ одномъ: будущій соціалистическій строй не долженъ сохранить государства въ какой бы ни было формѣ; разница между ними была главнымъ образомъ тактическаго характера: бакунисты стремились вызывать народные бунты, раз-

считывая, что чѣмъ чаще они будутъ повторяться, тѣмъ скорѣе дойдетъ до общей революціи въ цѣломъ государствѣ; лавристы переносили центръ тяжести на пропаганду принциповъ соціализма и, только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, считали возможнымъ вызвать революцію; наконецъ, Ткачевъ со своими сторонниками выдвигалъ на первый планъ террористическій заговоръ, который долженъ подготовить революцію; революціонная диктатура должна была преобразовать современный общественный строй и превратить его въ строй соціалистическій, безъ государства. Анархизмъ Бакунина имѣлъ громадное преобладаніе надъ двумя указанными направленіями. Сторонники Лаврова были относительно немногочисленны; меньше всего имѣлъ сторонниковъ Ткачевъ. Самая сильная организація, существовавшая съ 1872 по 1879 годъ,—„Земля и Воля",—стояла на почвѣ принциповъ Бакунина.

Только въ концѣ этого періода, подъ вліяніемъ неудачъ агитаціи въ деревнѣ и репрессій со стороны правительства, взгляды Ткачева взяли верхъ, и, несмотря на то, что самъ онъ не имѣлъ вліянія, его идеи восторжествовали въ программѣ и тактикѣ образовавшейся въ 1879 году партіи „Народной Воли".

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ партія сосредоточила почти всѣ революціонныя силы, и анархизмъ совершенно исчезъ съ политическаго горизонта Россіи. Тѣ изъ землевольцевъ, которые не приняли новой программы, выдвинутой „Народной Волей", и сохранили традиціи бакунизма, создали партію „Чернаго Передѣла",—постепенно ихъ взгляды измѣнялись, и съ теченіемъ времени они стали соціалъ-демократами.

Въ 1883 году они создали группу „Освобожденіе Труда" съ чисто марксистской программой.

Съ тѣхъ поръ до 1901—1902 года въ Россіи не было замѣтно никакихъ проявленій анархическаго движенія. Внѣ Россіи, за-границей, работалъ Кропоткинъ, достигшій всемірной славы; кромѣ него, выступалъ Черкесовъ. Но это были единицы, около которыхъ не группировались даже многочисленные русскіе анархическіе кружки эмигрантовъ.

Сбылось предсказаніе Бакунина, который говорилъ Дебагорію Мокріевичу [1]) въ 1873 году: „Русскіе всегда отличались стадными чертами! Теперь всѣ они—анархисты. Анархизмъ въ модѣ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, среди нихъ не останется ни одного анархиста". Не справедливо, конечно, утвержденіе, чтобы стадными чертами отличались исключительно русскіе; въ извѣстныя историческія эпохи эти черты можно замѣтить во всѣхъ обществахъ, и въ довольно высокой степени. Можно даже сказать больше: что въ каждомъ обществѣ огромное большинство состоитъ изъ единицъ несамостоятельныхъ, не умѣющихъ критически мыслить, которыя легко поддаются вліянію внѣшнихъ условій, вліянію руководителей и т. п. Конечно, въ этомъ подражаніи можно замѣтить извѣстную правильность, такъ какъ люди подражаютъ только тому, что отвѣчаетъ имъ по тѣмъ или инымъ причинамъ.

Но, во всякомъ случаѣ, Бакунинъ предвидѣлъ паденіе анархизма въ Россіи. Наступило же оно не такъ быстро, какъ полагалъ его творецъ. Съ 1883 по

---

[1]) Дебагорій Мокріевичъ: „Воспоминанія", стр. 36.

1891 годъ въ Россіи не было анархистовъ; съ 1891 по 1901 годъ огромное преобладаніе среди русскихъ революціонеровъ имѣли соціалъ-демократы, самые ярые противники анархизма.

Каковы же были причины того, что съ 1872 по 1879 годъ бакунизмъ имѣлъ въ Россіи такое сильное значеніе? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ вполнѣ удовлетворительно. Я обращу вниманіе читателя на двѣ причины этого явленія, которыя мнѣ кажутся главными. Въ государствахъ съ сильно отсталымъ политическо-общественнымъ строемъ, когда въ обществѣ начинается критика существующаго положенія вещей, неизбѣжно возникаютъ и пріобрѣтаютъ большое значеніе самыя крайнія направленія. Становится яснымъ полная непригодность всѣхъ существующихъ институтовъ; а такъ какъ состояніе общества далеко отъ всякихъ прогрессивныхъ, свободныхъ и соціальныхъ идеаловъ, то всякій идеалъ представляется одинаково труднымъ для осуществленія, и среди людей, борющихся за достиженіе высшихъ формъ общественной жизни, наибольшую симпатію вызываетъ тотъ идеалъ, который самъ по себѣ кажется прекраснѣйшимъ. Чувство дѣйствительности утрачивается, а такъ какъ и за меньшія завоеванія приходится бороться съ такимъ же упорствомъ, то и появляется стремленіе достичь сразу того, что дальше всего отходитъ отъ дѣйствительности и что кажется самымъ прекраснымъ.

Русское государство, или, вѣрнѣе, абсолютизмъ, такъ сильно давалъ себя чувствовать обществу, что самая идея государства стала ненавистна для тѣхъ, кто боролся противъ существующаго политическо-общественнаго строя.

Наконецъ, въ Россіи въ семидесятыхъ годахъ революціонные элементы идеализировали знаменитую русскую общину, видя въ ней зародышъ высшаго соціалистическаго строя. Радикальная русская исторіозофія считала, что русское государство петербургскаго періода, своей бюрократіей и централизмомъ, угнетало свободную общину, и что дальнѣйшее ея развитіе возможно лишь послѣ того, какъ она будетъ освобождена отъ путъ всякаго государства. Капитализмъ считали тогда въ Россіи искусственно привитымъ—наслоеніемъ.

Соединеніе людей въ производительные союзы, союзовъ въ общины, общинъ въ округа и т. д. признано было идеаломъ не только желательнымъ, но и возможнымъ. Идеалъ этотъ былъ антигосударственный... Наконецъ, антигосударственность точнѣе и не была опредѣлена.

Таковы главныя причины развитія анархизма въ Россіи въ семидесятыхъ годахъ. Анархизмъ того времени во многихъ отношеніяхъ отличенъ отъ современнаго анархизма, какъ отличенъ отъ него анархизмъ Бакунина. Тогдашніе русскіе анархисты признавали строгую революціонную организацію.

Современное анархическое движеніе стало проникать въ среду русской и еврейской молодежи, рабочихъ и интеллигенціи за-границей чрезъ эмигрантовъ—главнымъ образомъ въ Лондонѣ и въ разныхъ городахъ Сѣверной Америки.

Трудно опредѣлить точно моментъ, когда вліяніе анархизма приняло болѣе крупные размѣры; спорадически же оно проявлялось довольно давно; кажется, однако, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, что до 1900 года это вліяніе не было сильно. Въ Сѣверной Америкѣ

анархизмъ довольно быстро привлекъ къ себѣ много сторонниковъ среди еврейскихъ эмигрантовъ Литвы, Малороссіи и Бѣлоруссіи. Но отдаленность Америки отъ Россіи была причиной того, что анархическое вліяніе совершенно не проникало въ нее. Только расширеніе анархической агитаціи среди русскихъ и еврейскихъ эмигрантовъ въ крупныхъ европейскихъ городахъ привело къ тому, что, наконецъ, это движеніе проникло и въ Россію.

Пунктомъ, гдѣ впервые началась въ Россіи анархическая дѣятельность и гдѣ она проявляется сильнѣе всего, является Бѣлостокъ.

Въ концѣ 1902 и въ началѣ 1903 года тамъ начали свою пропагандисткую дѣятельность нѣсколько анархистовъ. Во многихъ отношеніяхъ дѣятельность эта была очень трудна; прежде всего ощущался сильный недостатокъ, даже за-границей,—а что же говорить на мѣстѣ,—въ популярной теоретической литературѣ. На жаргонѣ было небольшое количество брошюръ, на русскомъ же языкѣ едва нѣсколько; кромѣ того, первые анархисты въ Бѣлостокѣ встрѣтили многочисленныхъ противниковъ въ лицѣ представителей бунда, польскихъ и русскихъ соціалистическихъ партій; наконецъ препятствовали сами конспиративныя условія небольшого города, гдѣ труднѣе скрываться, чѣмъ въ крупныхъ городахъ.

Но были и благопріятныя обстоятельства для анархической пропаганды въ Бѣлостокѣ, какъ позднѣе и въ другихъ мѣстахъ Россіи, это — полное незнакомство соціалистовъ съ теоріями анархизма, благодаря чему они были не въ силахъ бороться съ анархистами; анархистамъ же, выдвигающимъ необхо-

димость непосредственной борьбы за коммунизмъ, постоянно подчеркивающимъ потребность разрушенія капитализма въ ближайшемъ будущемъ, вскрывавшимъ передъ рабочими медлительность соціалистическихъ организацій, ихъ деспотизмъ по отношенію къ рабочимъ и необходимость самимъ рѣшать всѣ вопросы и т. д.,—легко было пріобрѣтать сторонниковъ среди пролетаріата, обнищавшаго, жаждущаго, какъ можно скорѣе, другого завтра и временами недовольнаго существующими организаціями.

Весь первый годъ дѣятельности анархистовъ въ Бѣлостокѣ былъ посвященъ пропагандѣ анархическихъ принциповъ и доктрины анархизма. О характерѣ этой дѣятельности и нѣкоторыхъ результатахъ даетъ намъ представленіе статья, помѣщенная въ 10 номерѣ русскаго анархическаго органа, выходившаго въ Женевѣ подъ заглавіемъ „Хлѣбъ и Воля“ [1]).

Анархисты основывали агитаціонные кружки, какъ среди рабочихъ, такъ и интеллигенціи; изъ печатныхъ изданій имѣли нѣсколько русскихъ, какъ, напр.: сборникъ докладовъ, предназначенныхъ для несостоявшагося анархическаго съѣзда 1900 года, журналъ „Хлѣбъ и Воля“ Кропоткина и немного больше жаргонныхъ брошюръ. Въ виду незначительнаго количества печатной литературы имъ приходилось пускать въ ходъ гектографированныя изданія; такимъ путемъ они издали семь популярныхъ брошюръ революціонно-анархическо-беллетристическаго и агитаціоннаго содержанія.

Въ теченіе перваго года ими было выпущено шесть

---

[1]) „Хлѣбъ и Воля“, № 10, стр. 4 и 5, ст. „Анархическое хожденіе въ Россіи“.

*

гектографированныхъ прокламацій, написанныхъ на жаргонѣ; двѣ изъ нихъ были переведены на русскій языкъ и тоже изданы.

Спустя два-три мѣсяца пропаганды, анархическая группа въ Бѣлостокѣ насчитывала уже около 70 членовъ. Она начала устраивать и крупныя, по тѣмъ временамъ, собранія, насчитывавшія до 700 и больше участниковъ. На этихъ собраніяхъ происходила ожесточенная полемика между соціалистами и анархистами.

Первые, не зная анархизма и не будучи въ силахъ бороться съ нимъ по существу, часто прибѣгали къ неправильнымъ способамъ борьбы съ противниками,— такъ, напримѣръ, запрещали тѣмъ рабочимъ, на которыхъ они имѣли вліяніе, посѣщать анархическія собранія, или же прямо не давали ораторамъ-анархистамъ слова. Такія средства, конечно, не могли послужить плотиной для пропаганды новой доктрины и вызывали совершенно обратные результаты: къ тѣмъ, къ которымъ примѣняли эти средства, стали относиться съ симпатіями. Весьма характерно, что до настоящаго дня русскіе соціалисты не издали ни одной популярной брошюры противъ анархизма, хотя уже во многихъ мѣстахъ имъ приходится вести съ нимъ жестокую борьбу.

Въ 1904 году, въ особенности передъ 1-мъ мая, анархическія собранія были весьма многочисленны въ Бѣлостокѣ, и рабочіе, находящіеся подъ вліяніемъ соціалистическихъ партій, посѣщали ихъ вопреки запрещеніямъ своихъ организацій. Спросъ на анархическую литературу быстро росъ. Сторонники новаго направленія вербовались главнымъ образомъ изъ среды еврейскаго населенія, въ особенности вначалѣ.

Во второй половинѣ 1904 года въ Бѣлостокѣ анар-

хисты произвели первыя террористическія покушенія; ихъ непосредственнымъ выполнителемъ былъ рабочій Носимъ Фарберъ. 16 августа онъ убилъ владѣльца ткацкой фабрики Абрама Кагана за эксплоатацію рабочихъ и организацію противъ рабочихъ фабрикантовъ. Виновникъ не былъ схваченъ. 23 октября онъ бросилъ бомбу въ одинъ изъ участковъ города, за издѣвательство полиціи надъ арестованными; при этомъ взрывѣ были тяжело ранены полицейскіе; кромѣ того, получили легкія пораненія два лица изъ публики.

Я остановился нѣсколько подробнѣе надъ началомъ анархическаго движенія, подробнѣе, чѣмъ того требуетъ его значеніе; но сдѣлалъ это, имѣя въ виду типичность событій, происходившихъ въ Бѣлостокѣ, для анархическаго движенія другихъ городовъ.

Изъ Бѣлостока движеніе пошло дальше, главнымъ образомъ на югъ Россіи; вскорѣ другимъ центромъ движенія стала Одесса, въ которой оно могло развиваться легче, чѣмъ въ Бѣлостокѣ, благодаря величинѣ и географическому положенію этого города. Пропаганда и анархическая агитація проникли въ Черниговскую губернію, главнымъ образомъ въ Нѣжинъ и его окрестности, Волынскую, Кіевскую и другія губерніи.

Анархическое движеніе появилось также и среди грузинъ. Постепенно оно проникало и въ другія мѣстности Россіи. Послѣ конституціоннаго манифеста 17 октября 1905 года оно спорадически проявлялось во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи.

Я охарактеризую еще нѣсколько проявленій анархическаго движенія въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Анархическая пропаганда сдѣлала относительно большіе успѣхи въ 1904 и 1905 годахъ, чему не мало по-

служило то обстоятельство, что во второй половинѣ 1903 года въ Женевѣ возникъ, упоминаемый уже нами, органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ „Хлѣбъ и Воля“. Органъ, хорошо редактируемый, выходилъ не регулярно. Съ половины 1903 года по октябрь 1905 вышло 25 номеровъ. Его сотрудниками были, между прочимъ, Кропоткинъ и Черкесовъ. Впослѣдствіи я подробно разсмотрю программныя статьи этого органа. Помимо его, русскіе анархисты издали рядъ брошюръ и нѣсколько крупныхъ трудовъ по теоріи анархизма. Анархическая литература стала проникать и въ Россію, гдѣ спросъ на нее быстро возросталъ. Самый фактъ, что она была новостью въ революціонныхъ кругахъ, пробуждалъ интересъ къ ней.

Какъ я уже упоминалъ, анархическая пропаганда и агитація проникли и въ Черниговскую губернію. Уѣздный городокъ Нѣжинъ сталъ ея центромъ. Въ селѣ Куриловкѣ, Нѣжинскаго уѣзда, въ домѣ мѣстнаго священника, анархисты устроили тайную типографію. 30 іюля 1905 года тамъ былъ произведенъ обыскъ, арестованъ анархистъ Гелевскій и конфискованъ первый номеръ ихъ органа „Набатъ“.

30 августа въ самомъ Нѣжинѣ, во время обыска, анархисты оказали вооруженное сопротивленіе, при которомъ были смертельно ранены нѣсколько казаковъ, одинъ городовой и приставъ Крещановскій.

9 сентября анархисты бросили бомбу въ участокъ,— былъ убитъ одинъ околоточный и другой тяжело раненъ. Виновникъ покушенія бѣжалъ.

Анархическая агитація въ Нѣжинѣ, въ 1905 году, сдѣлала большіе успѣхи. Въ Нѣжинѣ образовалась группа, задавшаяся цѣлью привлечь въ свои ряды рабо-

чихъ-соціалистовъ, что ей отчасти и удалось; группа издала нѣсколько воззваній и распространила свою дѣятельность на деревню, вначалѣ среди крестьянъ Нѣжинскаго уѣзда, а затѣмъ и другихъ уѣздовъ Черниговской губерніи. Анархисты убѣждали крестьянъ стремиться непосредственно къ коммунизму, захватывать частныя и казенныя земли... Въ 1905 году однимъ изъ центровъ наиболѣе оживленной ихъ агитаціи сталъ Житоміръ; анархисты постоянно сталкивались тамъ съ представителями бунда и русскихъ партій. На большихъ собраніяхъ иногда доходило до весьма рѣзкихъ столкновеній между соціалистами и анархистами.

Въ Варшавѣ первые анархическіе кружки возникли въ 1904 году, послѣ пріѣзда изъ-за-границы одного энергичнаго и преданнаго дѣлу агитатора. Онъ скоро завязалъ сношенія съ рабочими, главнымъ образомъ евреями, агитировалъ за терроръ противъ правительства и буржуазіи и боролся съ соціалистическими партіями. Вначалѣ его дѣятельность не имѣла большихъ результатовъ и лишь спустя годъ, въ особенности же въ концѣ 1905 и въ началѣ 1906 года, она дала свои плоды. Но объ этомъ я поговорю позднѣе, когда перейду къ характеристикѣ дѣятельности анархизма послѣ манифеста 17 октября.

Въ теченіе 1904 и 1905 годовъ анархисты въ Россіи имѣли уже нѣсколько типографій и издавали довольно много прокламацій въ Одессѣ, Екатеринославѣ и Бѣлостокѣ.

Въ концѣ 1904 или въ началѣ 1905 года произошла небольшая конференція нѣсколькихъ анархистовъ съ группой „Хлѣбъ и Воля“. На этой конференціи были приняты слѣдующія резолюціи, которыя могутъ счи-

таться пока исходной точкой дѣятельности анархическихъ группъ; но такъ какъ группы свободны и не подчинены никакой постоянной регламентаціи, то и резолюціи, принятыя на конференціи, имѣютъ значеніе только, какъ выраженіе мнѣнія части анархистовъ, и не представляютъ изъ себя обязательныхъ постановленій. Но онѣ весьма характерны, и потому я приведу ихъ вкратцѣ.

Постановленія заключались въ слѣдующемъ:

1) Цѣль анархистовъ—соціальная революція, которая бы совершенно уничтожила капитализмъ и государство, въ какой бы то ни было формѣ, введя на ихъ мѣсто коммунизмъ.

Анархисты считаютъ невозможнымъ дѣлить борьбу съ современнымъ юридическо-государственнымъ и общественно-экономическимъ строемъ въ Россіи на два періода, изъ коихъ въ первомъ періодѣ вести борьбу за политическую свободу, а во второмъ, при помощи новыхъ общественныхъ институтовъ, за реализацію коммунистическаго строя. Слѣдуетъ теперь же начинать борьбу за непосредственное достиженіе всѣхъ поставленныхъ цѣлей. Побѣда революціи будетъ зависѣть отъ энергіи борющихся.

2) Необходимо готовиться къ тому, чтобы вызвать всеобщую стачку въ городахъ и деревняхъ, которая можетъ стать началомъ революціи, не только политической, но и коммунистической.

3) Экономическое и политическое угнетеніе является уже достаточнымъ поводомъ къ примѣненію самыхъ рѣшительныхъ средствъ борьбы, въ формѣ ли массовыхъ выступленій, или же индивидуальныхъ актовъ. Послѣдніе не могутъ быть результатомъ постановленій

организацій, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны зависѣть отъ мѣстныхъ условій, о чемъ рѣшаютъ анархисты, работающіе въ данномъ городѣ.

4) Единство анархическаго движенія можетъ быть достигнуто не созданіемъ центральныхъ комитетовъ, но единствомъ стремленій и идей.

Добровольное соглашеніе единицъ, составляющихъ свободныя группы, и этихъ группъ между собой—вотъ единственная раціональная форма общей дѣятельности. Группы и союзы группъ могутъ быть распускаемы въ любой моментъ. Никакого принужденія въ нихъ не должно быть.

5) Необходимо создать въ Россіи отдѣльную анархическую партію. Объединеніе анархистовъ съ представителями другихъ партій, хотя и соціалистическихъ, не можетъ осуществиться безъ отреченія отъ своихъ принциповъ, и не должно имѣть мѣста.

Эти постановленія прекрасно характеризуютъ политику анархистовъ: они совершенно игнорируютъ дѣйствительность, ставятъ общественное преобразованіе въ зависимость отъ революціонной воли и энергіи, абсолютно осуждаютъ всѣ другія партіи, причисляя ихъ къ реакціоннымъ, и ненавидятъ всякую организацію, воплощенную, хотя бы относительно, въ постоянныя формы.

Эти резолюціи оказали свое вліяніе: послѣ манифеста 17 октября, когда по всей Россіи происходили митинги, на которыхъ представители различныхъ партій выступали со своими программами, анархисты возбуждали рабочихъ, обѣщая имъ возможность достиженія въ ближайшемъ будущемъ коммунистическаго строя безъ всякаго государства. При повышенномъ настрое-

ніи, царившемъ тогда въ Россіи, рѣчи анархистовъ часто имѣли успѣхъ, отвлекая, хотя бы временно, часть рабочихъ отъ соціалистическихъ партій. Анархисты старались также возбуждать массы къ безцѣльнымъ бунтамъ, безъ организаціи, безъ видовъ на успѣхъ.

Призывая крестьянъ къ немедленному захвату земель, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и государству, а часто и къ поджогу зданій, уничтоженію вообще всякаго благосостоянія крупныхъ владѣльцевъ— анархисты въ разныхъ мѣстахъ давали поводы ко взрыву вредныхъ эксцессовъ...

Въ настоящее время нѣтъ никакой возможности точно изслѣдовать ихъ роль и степень участія въ этихъ безцѣльныхъ выходкахъ: это будетъ освѣщено лишь позднѣе историками; но можно съ увѣренностью утверждать, что, въ силу полнаго отсутствія чувства мѣры дѣйствительности и указаній, какъ на непосредственную цѣль движенія—достиженіе коммунистическо - государственнаго строя,—анархисты создаютъ громадный и опасный хаосъ въ умахъ единицъ и массъ; распространяя же ошибочные взгляды на цѣли современнаго движенія, они могутъ послужить и служатъ къ его искривленію, вызываютъ въ рабочемъ классѣ пренебрежительное отношеніе къ ближайшимъ реформамъ,—затрудняя такимъ образомъ переходъ отъ стараго строя къ новому политическо - общественному порядку.

Сила и значеніе каждаго направленія могутъ быть опредѣлены не только количествомъ примыкающихъ къ нему лицъ, не только дѣятельностью, выполняемой непосредственно его сторонниками, но и тѣмъ посредственнымъ вліяніемъ, какое данное направленіе оказываетъ

на общество. Признавъ это, мы не можемъ при оцѣнкѣ анархическаго движенія въ Россіи ограничиться однимъ описаніемъ его непосредственныхъ проявленій, но должны еще изслѣдовать, не оказало ли это движеніе вліянія на другія партіи, дѣйствующія въ Россіи, и если оказало, то какое именно?

Не подлежитъ сомнѣнію, что анархисты были причиной образованія среди партіи соціалистовъ-революціонеровъ новаго направленія, сторонниковъ котораго называютъ максималистами. Это направленіе возникло сначала среди эмигрантовъ въ Женевѣ, а оттуда оно проникло въ Россію.

Максималисты приняли отъ анархистовъ - коммунистовъ только одинъ постулатъ и вытекающія изъ него послѣдствія, а именно, они не признаютъ программы минимумъ и, стало быть, не считаютъ нужнымъ бороться сначала за важнѣйшія общественно-политическія реформы въ границахъ существующаго капиталистическаго строя, но настаиваютъ на томъ, чтобы непосредственно стремиться къ реализаціи максимальной программы, т. е. къ коммунизму. Отъ анархистовъ они отличаются тѣмъ, что признаютъ необходимость государственныхъ институтовъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, признаютъ революціонную диктатуру, тогда какъ анархисты не хотятъ и слышать обо всемъ этомъ. Максималисты также противники парламентаризма... Доктрина ихъ еще вырабатывается и не имѣетъ вполнѣ законченной формы.

Въ Россіи они имѣютъ довольно много сторонниковъ. Несомнѣнно, возникновеніе ихъ слѣдуетъ приписать вліянію анархистовъ, хотя надо признать, что соціалисты - революціонеры вообще, какъ въ своей прессѣ, такъ

и на публичныхъ собраніяхъ въ Россіи и за-границей, всегда выступали противъ соціалъ-демократовъ; также и тому, что соціалъ-демократическая партія заранѣе опредѣляла ближайшую революцію, какъ демократически-буржуазную. Соціалисты-революціонеры были того мнѣнія, что не слѣдуетъ заранѣе опредѣлять границъ ближайшей революціи. Максималисты пошли еще дальше и категорически утверждаютъ, что слѣдуетъ стремиться непосредственно къ соціалистическому строю.

Въ такіе великіе моменты, какимъ несомнѣнно является и настоящая революція въ Россіи, люди даже трезвые и выдержанные теряютъ чувство дѣйствительности и готовы допустить возможность самыхъ неправдоподобныхъ событій.

Даже соціалъ-демократы въ Россіи, въ особенности такъ называемые большевики, стоявшіе за бойкотъ Думы и постоянно и несправедливо на нее нападавшіе, какъ на наибольшаго врага демократіи, часто въ лицѣ своихъ публицистовъ, говоря о ходѣ настоящей революціи, высказываютъ удивительно странныя предположенія, согласно которымъ уже въ ближайшее время настоящій общественно-политическій переворотъ въ Россіи, постоянно усиливаясь, можетъ привести не только къ демократизаціи, но и къ ликвидаціи капиталистическаго строя и торжеству соціализма. Даже и тѣ соціалъ-демократы, которые признаютъ неизбѣжность, но очень короткихъ, переходныхъ фазъ, обманываются надеждой, что Россія въ относительно короткое время можетъ дойти до осуществленія соціализма.

Такой взглядъ не выдерживаетъ критики. Чисто рабочій классъ въ Россіи слишкомъ немногочисленъ,

если принять во вниманіе даже и сельскій пролетаріатъ, слишкомъ мало воспитанъ политически и экономически, чтобы могъ взять на себя всю тяжесть руководства общественнымъ хозяйствомъ.

Эти фантазіи лишены реальной почвы и, какъ таковыя, вредны.

Я вспомнилъ о нихъ для того, чтобъ показать, какое широкое вліяніе оказываютъ анархическія идеи, и какой большой успѣхъ временно онѣ могутъ имѣть.

Пока анархисты не достигли въ Россіи еще столь большого значенія, чтобы оказывать вліяніе на ходъ текущихъ событій, однако съ ихъ дѣятельностью необходимо уже считаться и добросовѣстно и основательно бороться. Въ послѣднее время анархисты все чаще стали практиковать вымогательство денегъ у частныхъ лицъ для партійныхъ цѣлей; они зовутъ это частичной экспропріаціей. Излишне доказывать, какъ вредны подобныя дѣйствія, какой они создаютъ хаосъ въ обществѣ и какое поле открываютъ для своеволія и злоупотребленія...

Нѣкоторыя анархическія группы въ Россіи направляютъ всю свою энергію по преимуществу на такого рода дѣятельность. Слѣдуетъ еще замѣтить, что встрѣчаются случаи уже вполнѣ безсмысленнаго террора, какъ, напримѣръ, бомба, брошенная въ кофейню „Бристоль" въ Варшавѣ. Нѣкоторые анархисты объясняли этотъ террористическій актъ тѣмъ, что, будучи направленъ противъ оффиціальныхъ лицъ, онъ могъ быть приписанъ соціалистамъ, но направленный противъ представителей буржуазіи, онъ носитъ уже чисто анархическій характеръ.

Анархическія группы въ Царствѣ Польскомъ не

создали никакого умственнаго движенія, не содѣйствовали развитію критицизма въ обществѣ по отношенію къ нѣкоторымъ институтамъ и направленіямъ, какъ это замѣчается на Западѣ, гдѣ теоретики анархизма обратили вниманіе на нѣкоторыя плохія стороны соціалъ-демократіи: ея крайній оппортунизмъ на практикѣ,— напримѣръ, въ Германіи, — арбитральное поведеніе ея руководителей и т. д.

Анархисты въ Царствѣ Польскомъ вели исключительно деструктивную дѣятельность и возбуждали рабочихъ; вымогательствомъ же денегъ у частныхъ лицъ и безсмысленнымъ терроризированіемъ единицъ изъ среды имущихъ классовъ они содѣйствовали лишь деморализаціи общества и пробужденію въ нѣкоторыхъ его сферахъ реакціоннаго настроенія.

Въ Россіи анархисты, кромѣ описанной дѣятельности, развили еще издательскую—и въ настоящее время имѣютъ уже легальную литературу. Но дѣятельность ихъ, если принять во вниманіе всѣ вышеприведенные доводы, вредна. Они не дѣлаютъ соціалистамъ обоснованныхъ упрековъ, не могутъ ихъ упрекнуть въ оппортунизмѣ, въ почиваніи на лаврахъ, какъ, напримѣръ, въ Германіи. Въ теченіе послѣдняго года анархическое движеніе въ Россіи начало дифференцироваться на три направленія.

IV.

Въ современномъ анархическомъ движеніи Россіи есть уже нѣсколько направленій, которыя не такъ давно еще не проявляли себя въ печати. Выраженіемъ рус-

скаго анархизма былъ лишь органъ „Хлѣбъ и Воля“. Направленіе, представляемое имъ, и теперь еще, кажется, преобладаетъ въ Россіи. Временно этотъ органъ пересталъ выходить, благодаря тому, что значительная часть его сотрудниковъ и издателей занялась практической дѣятельностью въ Россіи.

Во всякомъ случаѣ, вышедшіе до сихъ поръ двадцать слишкомъ номеровъ „Хлѣба и Воли“ даютъ вполнѣ точное представленіе объ его направленіи...

Вообще можно сказать, что органъ „Хлѣбъ и Воля“ является выраженіемъ анархизма Кропоткина, примѣненнаго спеціально къ Россіи. Въ этомъ органѣ мы находимъ статьи, обосновывающія слѣдующіе тезисы:

1) Государство вообще не только не нужно, но и вредно.

2) Слѣдуетъ стремиться непосредственно къ антигосударственному коммунизму. Всякія программы минимумъ вредны.

3) Полное преобразованіе общества въ духѣ коммунизма можетъ и должно произойти, не благодаря дѣятельности какого-нибудь законодательнаго органа, но путемъ захвата народными массами орудій труда въ деревнѣ и городахъ, а также частной собственности вообще.

4) Революціонная диктатура излишня и вредна.

5) Современная революція въ Россіи является не одной только политической революціей, но главнымъ образомъ экономической и массовой, народной.

6) Терроръ вообще имѣетъ право на существованіе и есть актъ борьбы не только политической, но и экономической.

Въ 11 номерѣ „Хлѣба и Воли“ мы находимъ

передовую статью, подъ заглавіемъ: „Почему мы не имѣемъ программы минимумъ?", содержащую весьма характерныя разсужденія. Авторъ начинаетъ съ утвержденія, что въ Россіи программа минимумъ можетъ быть пріурочена не къ настоящему моменту, но къ будущему, когда соберется Земскій Соборъ [1]) (для коренного преобразованія Россіи). „А такъ какъ,—говоритъ авторъ,—ни времени, ни обстоятельствъ, сопутствующихъ созыву собора, заранѣе предвидѣть нельзя, то и составленіе программы минимумъ происходитъ у насъ на авось, и самыя программы—въ противоположность программамъ западно-европейской соціалъ-демократіи, весьма сходнымъ другъ съ другомъ—отличаются разнообразіемъ и даже фантастичностью. На ихъ составленіе имѣютъ большее вліяніе теоретическіе взгляды, или, что еще хуже, политическіе расчеты партійнаго характера,—чѣмъ реальныя условія".

Въ дальнѣйшемъ авторъ статьи замѣчаетъ, что программа минимумъ затемняетъ въ сознаніи конечныя цѣли движенія, о которыхъ вспоминаютъ лишь въ торжественные моменты.

На утвержденіе, что въ ожиданіи соціалистическаго строя, а тѣмъ болѣе антигосударственнаго, который не можетъ осуществиться въ ближайшемъ будущемъ, невозможно отказываться отъ улучшеній общественной жизни, въ границахъ современнаго строя, — авторъ статьи отвѣчаетъ:

„Допустимъ такъ, но мы имѣемъ право считать себя настолько же практичными, какъ и наши оппоненты, и даже стремиться къ достиженію частичныхъ реформъ

---

[1]) Статья была написана въ 1904 г.

не менѣе, но болѣе вѣрнымъ путемъ. Мы не думаемъ, что ближайшая революція приведетъ къ осуществленію нашего идеала во всей его полнотѣ; революція не будетъ дѣломъ одной какой-нибудь партіи, и не можетъ уничтожить сразу всѣхъ пережитковъ стараго общества, но мы знаемъ въ то же время, что она пойдетъ путемъ кривой всѣхъ силъ, использованныхъ для дѣла, и поскольку настойчивѣе и абсолютнѣе мы будемъ дѣйствовать въ разъ избранномъ направленіи, постольку сильнѣй проявится ея вліяніе“.

Авторъ полагаетъ, что понятіе возможности какого-нибудь требованія основывается лишь на его успѣхѣ. Такое разсужденіе не точно и не глубоко. Прежде всего программа минимумъ западно-европейскихъ партій отнюдь не заключаетъ въ себѣ требованій, возможныхъ къ осуществленію только въ текущій моментъ, но максимумъ тѣхъ реформъ, которыхъ можно достигнуть въ границахъ капиталистическаго строя. Затѣмъ невѣрно утвержденіе, что всегда результаты революціи были тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ выше были требованія, предъявляемыя различными общественно-политическими группами, принимающими участіе въ революціи.

Представимъ себѣ, что группы А, В, С и D выступаютъ съ различными требованіями. Послѣдняя съ весьма высокими, которыя она стремится немедленно провести въ жизнь, отрицая всякую мысль объ ихъ постепенномъ осуществленіи: требованія группы D могутъ повліять на пониженіе уровня требованій одной, двухъ или всѣхъ трехъ остальныхъ группъ, потому что желанія реформъ со стороны группъ А, В и С не одинаково сильны: онѣ примиряются съ ними лишь во

избѣжаніе крупныхъ общественныхъ катастрофъ; когда же онѣ убѣдятся, что широкія общественныя реформы въ данный моментъ развяжутъ руки группѣ D — то онѣ отступятъ отъ своихъ требованій. Въ революціяхъ, кромѣ рѣшительныхъ партій, принимаютъ участіе колеблющіяся партіи, которыя, однако, часто оказываютъ вліяніе на ходъ событій. Выставленіе абсолютныхъ требованій, невозможныхъ для немедленнаго осуществленія, съ намѣреніемъ полнаго проведенія ихъ въ жизнь, безъ соотвѣтствующихъ къ тому силъ,—можетъ вызвать только реакцію въ обществѣ.

На подобное утвержденіе анархисты самое большее, что могутъ отвѣтить, что ихъ интересуютъ не колеблющіеся элементы, но вполнѣ опредѣленные и революціонные. Но это мало убѣдительный аргументъ, такъ какъ элементы, даже искренно стремящіеся къ общественному преобразованію, въ границахъ возможнаго, могутъ подвергнуться реакціи подъ вліяніемъ слишкомъ натянутой революціонной струны, безцѣльныхъ и хаотическихъ волненій и конфликтовъ, въ силу утомленія, вызваннаго излишнимъ напряженіемъ энергіи.

Можно и нужно ставить далеко идущія требованія, но въ виду отсутствія силъ для ихъ немедленной реализаціи, слѣдуетъ считать ихъ постулатами политики отдаленнаго будущаго; въ данный же моментъ выдвигать лишь ближайшія требованія.

Чрезмѣрныя требованія въ абсолютной формѣ и стремленіе къ ихъ немедленному осуществленію вредны еще и потому, что если даже и не вызываютъ реакціи среди другихъ группъ, то дѣлаютъ невозможнымъ временное соединеніе всѣхъ элементовъ, добивающихся коренныхъ реформъ въ общественно-политическомъ строѣ,

и тѣмъ самымъ усиливаютъ позицію защитниковъ существующаго строя.

Реальная политика должна стремиться къ наибольшимъ завоеваніямъ въ возможно непродолжительное время и съ возможно малой затратой силъ. Такая политика требуетъ разныхъ союзовъ, которые бы, отнюдь не затушевывая различія цѣлей отдѣльныхъ партій, временно соединенныхъ нѣкоторыми пунктами ближайшей политики, увеличивали бы силы элементовъ, стремящихся къ преобразованію общественно-политическаго строя.

А потому ошибочно, при наличности сознанія, что данная цѣль не можетъ быть скоро осуществлена,—не ставить ближайшихъ требованій и отрекаться отъ временныхъ союзовъ съ другими партіями, съ которыми можно сойтись на точкѣ непосредственныхъ задачъ.

Существованіе программы минимумъ отнюдь не служитъ признакомъ оппортунизма партіи: вѣдь среди самихъ анархистовъ, отрицающихъ ближайшія требованія, есть относительно умѣренные элементы, которые не стремятся непосредственно къ революціи, но сосредоточиваютъ свою дѣятельность на пропагандѣ, агитаціи и внутреннемъ самоусовершенствованіи или же на организаціи профессіональныхъ союзовъ.

Бóльшая или меньшая революціонность политическихъ партій зависитъ прежде всего отъ общественно-политическихъ условій, историческихъ традицій, наконецъ—отъ темперамента единицъ и группъ.

Въ 5 номерѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Къ характеристикѣ нашей тактики", проводятся два принципа: 1) что интересы буржуазіи и пролетаріата при настоящемъ строѣ всегда и во всемъ противоположны,

*

а значитъ ихъ и невозможно примирить, каковое обстоятельство дѣлаетъ невозможнымъ между этими классами не только временный союзъ, но даже и перемиріе; 2) что осуществленіе принциповъ соціализма невозможно безъ насильственныхъ дѣйствій пролетаріата противъ буржуазіи.

Принципъ борьбы классовъ во всей своей полнотѣ не былъ и не есть анархическая идея. Идея борьбы классовъ была проведена довольно послѣдовательно, какъ это доказалъ Плехановъ, еще въ трудахъ французскихъ историковъ временъ реставраціи. Ковалевскій находитъ идеи матеріалистическаго пониманія исторіи и борьбы классовъ даже у политическихъ писателей Италіи эпохи Возрожденія. Адольфъ Блони тоже утверждалъ,—это признаетъ и авторъ разсматриваемой нами статьи, — что, слѣдя за ходомъ общественной жизни, можно наблюдать одни классы людей, стремящіеся жить собственнымъ трудомъ, и другіе, члены которыхъ жили трудомъ первыхъ и вели постоянную борьбу между собой.

Далѣе теорію борьбы классовъ развилъ Марксъ, тѣсно соединивъ ее съ доктриной матеріалистическаго пониманія исторіи, или, вѣрнѣе, на ней основавъ борьбу классовъ. Позднѣе эту теорію приняли всѣ соціалисты, точно также какъ и анархисты-коммунисты.

Такимъ образомъ въ самой теоріи борьбы классовъ нѣтъ ничего спеціально-анархическаго. Но анархисты выводятъ изъ нея свои спеціальные выводы. Марксисты утверждаютъ, что въ обществѣ, состоящемъ изъ различныхъ классовъ, происходитъ постоянная борьба. Пролетаріатъ имѣетъ свои отдѣльные, самостоятельные интересы, противорѣчащіе интересамъ другихъ клас-

совъ; его политика заключается въ томъ, чтобы, ни на минуту не забывая о своихъ конечныхъ цѣляхъ и объ антагонизмѣ по отношенію къ другимъ классамъ,—добиваться болѣе лучшихъ условій труда и жизни вообще, усиливать свое вліяніе на государственныя и общественныя дѣла и въ концѣ концовъ захватить государственную власть въ свои руки (диктатура пролетаріата). Въ этой борьбѣ за лучшее завтра пролетаріатъ, по мнѣнію марксистовъ, можетъ и долженъ заключать временные союзы, не лишающіе его самостоятельности, съ тѣми или другими демократически-либеральными партіями буржуазіи, въ цѣляхъ завоеванія реформъ, которыя развязали бы руки рабочему классу, облегчили его организацію для достиженія политическаго вліянія и т. д., а также улучшили бы его матеріальное положеніе.

Соціализмъ требуетъ только отдѣльной отъ другихъ общественныхъ слоевъ классовой организаціи пролетаріата, что отнюдь не противорѣчитъ временнымъ союзамъ рабочаго класса съ прогрессивной частью буржуазіи и съ мелкой буржуазіей.

Анархисты придерживаются совершенно иной точки зрѣнія: для нихъ все имѣетъ метафизическо-абсолютный характеръ; если же они и признаютъ принципъ борьбы классовъ, то примѣняютъ его тривіальнымъ и абсолютнымъ образомъ; они не дѣлаютъ разницы между степенью антагонизма...

Увы, въ эпоху революціи, въ моменты энтузіазма и расцвѣта воображенія, подъ вліяніемъ напряженной борьбы, это метафизическо-абсолютное, а вмѣстѣ съ тѣмъ не глубокое и тривіальное пониманіе борьбы классовъ проникаетъ и въ соціалистическій лагерь.

Въ пониманіи борьбы съ современнымъ общественно-политическимъ строемъ анархисты не всегда послѣдовательны. Такъ, напр., въ программной статьѣ 6 номера „Хлѣбъ и Воля“ мы находимъ такой отрывокъ о стачкахъ:

„Сознательная революціонная борьба должна всегда имѣть опредѣленную цѣль и сообразно этой цѣли расходовать энергію, т. е. между цѣлью, къ которой она стремится, и средствами, примѣняемыми къ достиженію данной цѣли, должна существовать извѣстная закономѣрность. Напримѣръ: чтобы добиться небольшого повышенія рабочей платы, или сокращенія рабочаго дня—никто не будетъ рекомендовать соціальной революціи. Для достиженія этихъ мелкихъ требованій—достаточно одной стачки, проведенной энергично и смѣло. Но,—скажутъ удивленные читатели,—вы не анархисты, разъ признаете частичное улучшеніе. Какъ анархисты, вы должны стремиться сразу, безъ оговорокъ, къ соціальной революціи: либо сразу анархизмъ, либо ничего. Развѣ такъ въ дѣйствительности? Конечно, нѣтъ. Сказать, что при частичныхъ реформахъ не слѣдуетъ забывать о конечной цѣли, что частичное улучшеніе — это что-то второстепенное—еще не значитъ осуждать всѣ усилія, направленныя къ частичнымъ улучшеніямъ...

„Мы должны безустанно работать для проведенія нашихъ принциповъ въ жизнь; и только такимъ образомъ мы можемъ добиться частичныхъ реформъ. Мы особенно подчеркиваемъ тотъ принципъ, что борьба во имя улучшеній не можетъ быть содержаніемъ соціалистической дѣятельности, а только чѣмъ-то, встрѣчаемымъ на пути той борьбы, которая происходитъ во имя полной реализаціи рабочаго идеала. Такимъ образомъ

частичное улучшеніе никогда не станетъ для насъ конечной цѣлью. Наша точка зрѣнія ясна. Борьба за частичное улучшеніе есть дѣло серьезное до тѣхъ поръ, пока она не превращается въ принципъ; въ противномъ случаѣ она перерождается въ реформаторство... Мы—враги реформаторства потому, что не хотимъ воскрешать безплоднаго періода мечтаній о примиреніи капитала съ трудомъ при посредствѣ взаимныхъ уступокъ. По этому поводу создали и распространили легенду, что анархисты—враги всякихъ частичныхъ улучшеній.

„Мы—не противники ихъ, но только опредѣляемъ ихъ истинную роль; въ противоположность легалистамъ разныхъ оттѣнковъ, мы придерживаемся того принципа, что и по вопросу частичныхъ улучшеній слѣдуетъ прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ борьбы“.

Я нарочно привелъ такой большой отрывокъ, дабы дать картину психологіи анархистовъ. Психологія же ихъ удивительна: они якобы признаютъ важность частичныхъ реформъ, но не желаютъ выступать во имя ихъ, дабы не забыть о конечной цѣли; они признаютъ, что анархизмъ не можетъ осуществиться сразу, но борются за полное осуществленіе своего идеала. Все это для того, чтобы избѣжать оппортунизма, какъ будто бы онъ зависитъ только отъ выдвигаемыхъ требованій, а не отъ болѣе глубокихъ причинъ. Развѣ это не самообманъ, не дѣтство, не наивность? Развѣ это не фальсификація самой борьбы, введеніе въ заблужденіе массъ и общества? Анархисты не всегда высказываются такъ откровенно.

Развѣ, наконецъ, достиженіе перемѣнъ въ общественномъ строѣ зависитъ только отъ добраго желанія борющихся, и развѣ не оказываютъ тутъ вліянія нѣко-

торыя неизбѣжности, вытекающія изъ свойства вещей въ данномъ періодѣ развитія?..

Надъ этими вопросами анархисты не хотятъ и не любятъ останавливаться.

Что касается формъ борьбы, то, дѣйствительно, въ исторіи крупныя общественно-политическія перемѣны рѣдко проходили спокойно, въ рамкахъ обязательныхъ законовъ. Однако, небольшія перемѣны, менѣе важныя происходили часто безъ крупныхъ потрясеній. Не слѣдуетъ также забывать, что парламентскій строй, основанный на широкихъ демократическихъ принципахъ, еще относительно молодъ.

Вступительная статья въ 7 номерѣ „Хлѣба и Воли“ посвящена всеобщей стачкѣ. Авторъ раздѣляетъ въ развитіи рабочаго класса три періода: въ первомъ рабочіе считали буржуазію своимъ естественнымъ опекуномъ; во второмъ они возлагали свои надежды на государство, и въ этотъ періодъ сильнѣе всего было вліяніе соціалъ-демократіи; наконецъ въ третьемъ пролетаріатъ разсчитываетъ ужъ только на себя. Эта эволюція въ настроеніи и взглядахъ рабочаго класса выступаетъ рѣзче всего у такъ называемыхъ латинскихъ народовъ.

Развитіе сознанія среди рабочаго класса и его организація испугали буржуазію, которая усилила свои силы болѣе многочисленной арміей и усовершенствованіемъ оружія.

Что же можетъ сдѣлать пролетаріатъ? Слѣдуетъ признаться,—говоритъ авторъ,—что по вопросу вооруженія онъ ничего не сдѣлалъ. Правда, разсуждая теоретически, и пролетаріатъ можетъ воспользоваться для самообороны открытіями науки, но фактически дѣло—обстоитъ иначе: завоеванія науки доступны не всѣмъ.

Правда, въ моментъ революціонныхъ взрывовъ пролетаріатъ можетъ иногда захватить оружіе силой; но такіе факты обычно локализуются, не представляютъ изъ себя всеобщаго явленія и не проявляются одновременно повсюду. Благодаря этому, преобладаніе остается на сторонѣ враговъ рабочаго класса.

Что-жъ долженъ дѣлать онъ, чтобъ побѣдить буржуазію? По мнѣнію автора, онъ самъ нашелъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, безъ помощи постороннихъ элементовъ. Для него оружіе борьбы, которое приведетъ его къ побѣдѣ, есть всеобщая стачка. Соціалъ-демократы до послѣдняго времени боролись противъ всеобщей стачки; но рабочіе на своихъ съѣздахъ высказывались за нее.

Затѣмъ авторъ довольно подробно разсматриваетъ механизмъ всеобщей стачки, стараясь доказать, что прекращеніе работы въ главныхъ отрасляхъ производства можетъ остановить всю экономическую жизнь, и что имущіе классы вкупѣ съ правительствомъ, защищающимъ ихъ интересы, не въ состояніи будутъ подавить стачки, прежде всего потому, что ихъ силы должны слишкомъ разсѣяться въ мелкой борьбѣ по самымъ разнообразнымъ мѣстамъ. „Всеобщая стачка,—говоритъ авторъ,—не можетъ быть мирной манифестаціей рабочихъ со скрещенными руками; она не можетъ быть и только средствомъ самообороны. Всеобщая стачка—прекращеніе рабочими труда—не можетъ быть прекращеніемъ потребленія. Можно не работать нѣсколько дней, нѣсколько недѣль, но не питаться въ теченіе нѣсколькихъ недѣль—вещь невыполнимая для человѣческаго организма. Всеобщая стачка не устраняетъ свойственныхъ человѣку потребностей, и чтобы ихъ удовлетворить, рабочему остается только одно—взять силой все, что ему необходимо“.

Авторъ обосновываетъ далѣе свой взглядъ: „рабочій долженъ помнить, что если онъ не обезпечитъ себѣ экономическаго существованія, не конфискуетъ въ пользу общества орудій труда и всѣхъ богатствъ, нагроможденныхъ въ теченіе долгихъ вѣковъ его трудомъ и находящихся во владѣніи буржуазіи, то его дѣло проиграно... Революція только въ томъ случаѣ будетъ жизненна, если будетъ отвѣчать интересамъ массъ и завоюетъ симпатіи, что возможно только въ томъ случаѣ, если революція поставитъ своей непосредственной цѣлью: одѣть нагихъ, пропитать голодныхъ и дать убѣжище бездомнымъ“.

Всеобщая стачка, по мнѣнію автора, и дастъ возможность рабочему классу совершить такую революцію. Благодаря стачкѣ, революція будетъ дѣломъ не тайныхъ союзовъ, не политическихъ партій, но всего пролетаріата. Рабочій собственными руками добудетъ для себя все то, что ему необходимо.

Я сдѣлалъ довольно обширныя выдержки для того, чтобы читатели глубже вникли въ концепцію всеобщей стачки анархистовъ.

Ясное дѣло, судя по вышеприведенной статьѣ, что для анархистовъ всеобщая стачка не есть лишь средство борьбы за извѣстныя, хотя бы даже значительныя завоеванія, которыя приблизили бы осуществленіе конечной цѣли, но начало революціи, долженствующей совершенно разрушить настоящій строй и ввести на его мѣсто новый. Такой взглядъ не выдерживаетъ критики. Дѣйствительно, будучи оружіемъ въ рукахъ пролетаріата, когда дѣло идетъ о какихъ-нибудь важныхъ экономическихъ или политическихъ завоеваніяхъ, ясныхъ для формулировки, доступныхъ пониманію ши-

рокихъ круговъ и возможныхъ относительно быстраго немедленнаго проведенія ихъ въ жизнь, путемъ изданія новаго закона или подписи (напримѣръ, капиталистами новаго договора съ рабочими союзами)—всеобщая стачка, сама по себѣ, не можетъ быть основой соціальной революціи, ставящей своей цѣлью полное преобразованіе общества,—по той простой причинѣ, что полное преобразованіе существующаго строя зависитъ не только отъ энергіи пролетаріата и его солидарности, но и отъ его экономическо-политической и культурной выработки, отъ долголѣтняго организаціоннаго опыта и т. п.

Такъ же ошибочно было бы утвержденіе, что для осуществленія высшаго общественнаго строя необходимо, чтобы рабочіе вполнѣ воспитались психически; но несомнѣнная правда, что для этого необходимы значительно высокій умственный, культурный уровень рабочихъ и ихъ хозяйственный опытъ. Что же касается до анархическо-коммунистическаго строя, то онъ утопія, какъ мы уже видѣли, и, какъ увидимъ дальше, его осуществленіе потребовало бы, дѣйствительно, невѣроятныхъ перемѣнъ въ техникѣ и человѣческой психикѣ.

Легко сказать, или написать, что революція должна немедленно дать массамъ крупныя экономическія завоеванія, и даже благосостояніе. Дѣйствительно, она должна стремиться къ этому, но современный строй слишкомъ сложенъ, чтобы можно было немедленно провести широкія реформы. Первый примѣръ нашъ ясно покажетъ это.

Во Франціи, въ эпоху великой революціи, крестьянско-аграрную реформу было относительно легко провести въ короткое время, такъ какъ она заключалась въ передачѣ крестьянамъ въ собственность тѣхъ зе-

мель, которыя они обрабатывали ранѣе, какъ чиншевики, а мѣстами, какъ крѣпостные. Дѣло шло объ устраненіи барщины и различныхъ податей, а также о перемѣщеніи права собственности на земли, обрабатываемыя крестьянами.

Осуществить коренную аграрную реформу въ настоящее время въ Россіи, или же въ другихъ государствахъ, несравненно труднѣе, такъ какъ передача въ той или другой формѣ земли сельскимъ рабочимъ и малоземельнымъ крестьянамъ измѣнила бы не только право земельной собственности, но и потребовала бы громадныхъ перемѣнъ въ хозяйственномъ механизмѣ, раздѣленія земли, созданія новыхъ хозяйствъ, увеличенія старыхъ и т. д. Дѣйствительно, такая реформа не только возможна, но и необходима, однако она должна быть достигнута законодательнымъ путемъ, на основѣ строго и тщательно выработанныхъ законовъ, подробно регулирующихъ новыя аграрныя отношенія.

Въ эпоху великой французской революціи сжиганіе феодальныхъ документовъ, замковъ, невыполненіе барщины, отказъ отъ уплаты податей крестьянами фактически освободило ихъ,—въ настоящее же время сжиганіе усадебъ въ Россіи, уничтоженіе инвентаря и т. д. не въ состояніи, сами по себѣ, осуществить крупную аграрную реформу: это можетъ сдѣлать только парламентъ, пользующійся всѣми своими правами и поддерживаемый народомъ.

Дѣйствительно, революція должна оказать немедленную помощь безработнымъ, голоднымъ крестьянамъ, нищетѣ всякаго рода; а также и провести реформы. Все это совершенно не можетъ быть выполнено по рецепту анархистовъ, требующихъ немедленнаго захвата массой орудій труда и всѣхъ богатствъ.

Изъ современныхъ государствъ только нѣкоторыя, можетъ быть, съ болѣе развитымъ экономическимъ строемъ, могли бы въ относительно ближайшемъ будущемъ приступить къ реализаціи новаго общественнаго строя. Въ Россіи объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Стихійный захватъ орудій труда и всякихъ богатствъ вообще доведетъ только до хаоса, пролагающаго путь къ политическо-общественной реакціи.

Разсматриваемыя нами анархическія идеи не только утопичны, но и въ высшей степени вредны.

Анархисты, сгруппировавшіеся вокругъ „Хлѣба и Воли", неоднократно пытались отвѣтить на упреки, что они отрицаютъ политическую борьбу. Они говорили, что, „борясь противъ государства вообще, противъ всѣхъ его формъ, они борются также и противъ абсолютизма". По ихъ мнѣнію, не слѣдуетъ смѣшивать физическую борьбу съ стремленіями къ конституціонному строю и парламентской борьбой...

Это доказательство не достигаетъ цѣли, такъ какъ давно извѣстно, что анархисты—враги абсолютизма; но все-таки остается неоспоримымъ фактомъ то, что анархисты ослабляютъ конституціонно-парламентскія стремленія своими преувеличенными и ошибочными нападками на парламентаризмъ.

Анархисты, какъ метафизики, признаютъ только абсолютныя мнѣнія; и потому парламентаризмъ, какъ имѣющій нѣкоторые недостатки и не могущій самъ по себѣ произвести полнаго переворота въ общественномъ строѣ,—въ ихъ глазахъ, лишенъ всякой цѣнности и даже вреденъ.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ „Къ характеристикѣ нашей тактики“ мы находимъ рѣзкія возраженія противъ концепцій временнаго правительства. Авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: если старый порядокъ будетъ вполнѣ разрушенъ, то совершенно незачѣмъ создавать новое правительство, которое всегда только стѣсняетъ народную инціативу и задерживаетъ движеніе въ его развитіи; если же новый порядокъ не побѣдитъ стараго, или побѣдитъ его только отчасти, то не только не слѣдуетъ создавать диктатуру, но вообще надо мѣшать возникновенію всякаго сильнаго правительства.

Авторъ этой статьи вѣритъ, повидимому, что въ случаѣ побѣдоносной революціи новый порядокъ вещей возникнетъ самостоятельно безъ всякой государственной организаціи.

Вопросъ государства—центральный пунктъ анархической доктрины. Группа, выраженіемъ взглядовъ которой является органъ „Хлѣбъ и Воля“, издала спеціальную брошюру, посвященную вопросу о государствѣ и написанную наибольшимъ теоретикомъ анархизма—Кропоткинымъ. Мы должны подробно ознакомиться съ ходомъ заключающагося въ ней разсужденія.

Кропоткинъ начинаетъ съ констатированія факта, что вопросъ о государствѣ дѣлитъ соціалистовъ на различныя направленія (вѣрнѣе, отдѣляетъ соціалистовъ отъ анархистовъ); далѣе онъ говоритъ, что человѣчество тысячу лѣтъ жило безъ государственной организаціи, въ эпоху родовую и племенную; что, наконецъ, часто смѣшиваютъ понятія государство и правительство.

„Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что государство и правительство заключаютъ въ себѣ два разныхъ поня-

тія. Понятіе „государство“ охватываетъ собой не только наличность власти надъ обществомъ, но также и сосредоточенность управленія мѣстной жизнью въ одномъ центрѣ, а равно и соединеніе многихъ или даже всѣхъ функцій общественной жизни въ рукахъ немногихъ“. Болѣе подробно авторъ не развиваетъ этого взгляда и прямо переходитъ къ характеристикѣ формъ строя: племенно-родового, феодальнаго, общинно-городского и централистически-государственнаго.

Я не стану здѣсь, изъ-за отсутствія мѣста, излагать картину развитія различныхъ формъ общественнаго строя, въ общемъ довольно вѣрную, но отмѣчу только нѣкоторыя неточности въ разсужденіяхъ автора.

Касаясь первобытныхъ обществъ, Кропоткинъ говоритъ, что входящіе въ составъ ихъ люди не только цѣнили жизнь человѣка, но даже чувствовали отвращеніе къ убійству и пролитію крови.

Это справедливо лишь отчасти: люди въ племенно-родовомъ строѣ относились братски и гуманно только къ своимъ, т. е. къ членамъ той группы и группъ, къ которымъ они сами принадлежали: они не были жестоки только другъ къ другу; но ихъ отношенія къ членамъ другихъ группъ были страшно безчеловѣчны, отличались варварствомъ и ненавистью.

Кропоткинъ особенно подчеркиваетъ тотъ фактъ, что въ догосударственный періодъ общественныя группы, для удовлетворенія своихъ потребностей, добровольно соединялись въ различные союзы. Онъ говоритъ также о духѣ свободы, царившемъ въ средневѣковыхъ городскихъ общинахъ. Города отвоевали себѣ внутреннюю независимость и устроились по своему желанію; они создали богатую и разностороннюю цивилизацію.

„Вообще,—говоритъ авторъ,—на основаніи многочисленныхъ и разнообразныхъ историческихъ документовъ, можно утверждать, что человѣчество ни раньше, ни позже не знало такого благосостоянія и всеобщей безопасности, какими пользовались средневѣковые города. Современная нищета, неувѣренность въ будущемъ и чрезмѣрный трудъ — не были извѣстны городамъ среднихъ вѣковъ!“

Такое положеніе вещей уступило, спустя нѣсколько вѣковъ, мѣсто другому, послѣ того, какъ взялъ верхъ государственный централизмъ, отъ чего пострадали (по мнѣнію Кропоткина), равно какъ жизнь отдѣльныхъ гражданъ, такъ и вся цивилизація. Переворотъ этотъ сдѣлался возможенъ, по мнѣнію автора, вслѣдствіе отдѣленія крестьянства отъ горожанъ. Кропоткинъ не понимаетъ одного, что развитіе производительныхъ силъ требуетъ централизма; напр., таможенныя границы между провинціями и разнородныя предписанія, стѣсняющія торговлю между отдѣльными территоріями, были препятствіемъ для развитія экономической жизни; и, слѣдовательно, созданіе крупныхъ государствъ, съ единообразнымъ управленіемъ, было необходимо.

Не подлежитъ сомнѣнію, что средневѣковая жизнь имѣла много положительныхъ сторонъ, что политическая децентрализація благопріятствовала развитію культуры, ея богатству и всесторонности—но: во-первыхъ, все это имѣло мѣсто въ государствѣ, хотя и другого типа, чѣмъ современное; во-вторыхъ, современную форму государства создала историческая хозяйственно-политическая необходимость.

Жизнь средневѣковыхъ городовъ имѣла и темныя стороны. Вопреки тому, что говоритъ Кропоткинъ,

безопасность въ нихъ была слаба; грубая борьба между единицами и группами была обычнымъ явленіемъ; въ корпораціяхъ царилъ духъ обособленности, и не было недостатка въ тиранахъ. Средневѣковые города либо принадлежали государству, либо были ими.

Трудно также согласиться съ Кропоткинымъ, что государство обязательно должно быть централистическимъ. Государства могутъ быть большими и малыми, централистическими и децентралистическими, промышленно-торгово-городскими и сельско-крестьянскими. Государство—политическо-территоріальная организація верховной власти надъ гражданами, составляющими корпорацію и населяющими данную территорію.

Этому понятію могутъ отвѣчать самыя разнообразныя формы государственнаго строя. Говоря точнѣе, вся рѣзкая критика, изложенная Кропоткинымъ въ разсматриваемой нами брошюрѣ, направлена противъ бюрократическо-централистическаго государства,—тѣмъ болѣе, что авторъ постоянно повторяетъ, что государство не допускаетъ свободныхъ союзовъ, подавляетъ иниціативу гражданъ и т. п.

Федеративное государство, основанное на самыхъ широкихъ свободныхъ договорахъ, устанавливающихъ свободу слова, печати, собраній, союзовъ, государство демократическое, обезпечивающее возможность развитія всѣхъ національныхъ группъ,—свободно отъ упрековъ Кропоткина. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ стремится, какъ мы это знаемъ изъ его трудовъ, къ уничтоженію государства и правительства вообще, безъ отношенія къ ихъ формѣ.

Въ разсматриваемой брошюрѣ знаменитый теоретикъ анархизма не пытался, однако, разсматривать вопросъ государства съ принципіальной точки зрѣнія.

Кропоткинъ, Реклю и другіе анархисты часто повторяютъ въ своихъ трудахъ, что ужъ теперь многія важныя общественныя потребности удовлетворяются свободными союзами, безъ участія государства,—и, слѣдовательно, въ будущемъ оно будетъ совершенно не нужно. Такое разсужденіе не точно, такъ какъ союзы, функціонирующіе въ настоящее время: научные, культурные, филантропическіе или экономическіе—работаютъ среди общества, имѣющаго государственную организацію; сами они имѣютъ уставы, и ихъ дѣятельность проходитъ въ границахъ обязательныхъ законовъ, а потому они не могутъ считаться свободными анархическими группами.

Государство объективируетъ въ себѣ могучія силы прошлаго и настоящаго. То или иное использованіе этихъ силъ не можетъ быть безразлично для массы. Государство своими установленіями создаетъ извѣстный подборъ въ обществѣ, поддерживая тѣ или другія отношенія, направленія, типы единицъ и т. д.

Правовое государство, въ полномъ значеніи этого слова, несомнѣнно создаетъ нѣкоторое принужденіе, большее или меньшее, сообразно своей организаціи. Взамѣнъ же оно даетъ гражданамъ при посредствѣ законовъ увѣренность, что въ опредѣленныхъ условіяхъ они могутъ разсчитывать на его помощь и что извѣстныя дѣла будутъ разрѣшаться тѣмъ или инымъ опредѣленнымъ способомъ. Словомъ, правовое государство, стѣсняя насъ, даетъ въ то же время свободу, такъ какъ даетъ возможность работать и поступать съ сознаніемъ, что наша дѣятельность, разъ она происходитъ въ границахъ опредѣленныхъ нормъ, не будетъ подвергаться каждую минуту покушенію и насиліямъ со стороны

другихъ. Безъ увѣренности, что наши интересы не будутъ въ опредѣленныхъ границахъ защищаемы закономъ,—нѣтъ и не можетъ быть свободы...

Не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе демократичное и свободное современное государство имѣетъ еще много недостатковъ, носитъ классовой характеръ,—но все это устранимо. Правда и то, что власть большинства всегда непріятна для меньшинства. Но власть меньшинства надъ большинствомъ была бы еще бо́льшимъ зломъ. Современное общество слишкомъ сложно, дабы при каждомъ различіи мнѣній распадаться на отдѣльныя части, живущія обособленно...

Наконецъ, если бы государство было уничтожено совершенно, то и тогда еще большинство, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о его жизненныхъ интересахъ, принуждало бы меньшинство къ тому, что для него выгодно. Такое принужденіе, не опредѣленное правовыми нормами, зависящее отъ капризной, неорганизованной воли большинства, было бы гораздо хуже принципа признанія большинства голосовъ въ парламентѣ, городскихъ управленіяхъ, общинахъ, союзахъ и т. д.

Изъ-за отсутствія мѣста я не привожу еще многихъ другихъ аргументовъ въ пользу государства и не развиваю подробно высказанныхъ мною мыслей.

Я снова отсылаю читателей къ упоминаемымъ уже раньше трудамъ: „Современному Анархизму“ и статьѣ Мазовецкаго.

Передовая статья 23 номера „Хлѣбъ и Воля“ подъ заглавіемъ „Рабочій Союзъ“ опредѣляетъ позицію анархистовъ, сгруппировавшихся вокругъ этого органа, по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ. Авторы этой статьи признаютъ крупное значеніе профессіональ-

ныхъ союзовъ, совѣтуютъ русскимъ анархистамъ вступать въ нихъ и работать тамъ для своихъ цѣлей; но полагаютъ однако, что созданіемъ и организаціей рабочихъ союзовъ въ настоящее время въ Россіи анархисты не должны заниматься, ибо сами событія вызываютъ союзы къ жизни, они постоянно возникаютъ сами собой; если же анархисты займутся ихъ организаціей, то вся дѣятельность анархистовъ въ духѣ собственной программы отошла бы, благодаря этому, на второй планъ; въ настоящее время анархисты прежде всего должны заняться пропагандой и агитаціей своихъ идей и революціонной дѣятельностью.

Програмная статья въ 18 номерѣ „Хлѣбъ и Воля" разсматриваетъ вопросъ объ организаціи анархистовъ.

Авторъ констатируетъ, что есть два основныхъ типа организаціи партій: іерархическій и федеративный. Первый типъ примѣнялся всѣми заговорщицкими организаціями; по мнѣнію автора, онъ неудовлетворителенъ, хотя до возникновенія интернаціонала и пользовался безусловнымъ признаніемъ. Второй типъ организаціи примѣняется анархистами разныхъ странъ.

Іерархическая организація стѣсняетъ инціативу единицъ, вводитъ бездушный формализмъ и отдаетъ всю партію въ руки небольшой горсти руководителей. Она задерживаетъ революціонные взрывы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, благодаря желанію избѣгнуть ихъ преждевременности, что ослабляетъ революцію, которой должны предшествовать бунты и различные насильственные акты, знаменующіе приближеніе переворота.

Положительныхъ сторонъ, уравновѣшивающихъ ея отрицательныя стороны, іерархическая организація не имѣетъ. Обычно думаютъ, что централистическая орга-

низація придаетъ единство дѣятельности партіи и охраняетъ ее отъ эксцессовъ отдѣльныхъ членовъ. Въ дѣйствительности, однако, даже наиболѣе дисциплинированныя партіи не въ состояніи воспрепятствовать самовольнымъ актамъ своихъ членовъ. Добровольная федеративная организація, по мнѣнію автора, самая цѣлесообразная. Единицы соединяются въ группы, а послѣднія создаютъ добровольный союзъ. Тогда не будетъ никакихъ руководящихъ федераціей центральныхъ комитетовъ.

Я замѣчу, что названіе „федерація" для такого рода организацій — неправильно. Федерація не только не исключаетъ существованія центральныхъ органовъ, но даже требуетъ ихъ. Федерація не можетъ быть распускаема каждый моментъ; по общимъ вопросамъ ея центральный органъ рѣшаетъ большинствомъ голосовъ. Вообще же власть въ ней центральнаго органа сильна и широка. Федеративная организація тѣмъ отличается отъ централистической, что, во-первыхъ, ея управленіе состоитъ изъ представителей отдѣльныхъ частей федерированныхъ группъ, и во-вторыхъ, что эти группы въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ вполнѣ самостоятельны.

Анархисты, защищая федеративную организацію, имѣютъ въ виду иной типъ союзовъ. Прежде всего, они не признаютъ права большинства; во-вторыхъ, отрицаютъ постоянныя нормы въ рѣшеніяхъ вопросовъ и споровъ, предоставляя, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, единицамъ полную свободу.

Во взглядахъ анархистовъ на организаціонные вопросы отражается ихъ полное непониманіе современнаго механизма общественной жизни. На самомъ дѣлѣ, его выдающейся чертой является большая сложность,

раздѣленіе труда и крупное производство. Современное общество не похоже на восточное общество крупныхъ деспотическихъ монархій, съ натуральнымъ хозяйствомъ,—не состоитъ изъ безконечнаго числа общинъ, представляющихъ каждая свой отдѣльный и замкнутый міръ. Наоборотъ, каждая человѣческая личность въ современной жизни находится въ зависимости отъ множества другихъ людей и далекихъ отъ нея общественныхъ круговъ. Эта сложность общественной жизни влечетъ за собой два послѣдствія: дѣлаетъ невозможнымъ непосредственное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ всѣми гражданами общины, города, провинціи, государства и призываетъ къ жизни не только представительство территоріально-политическихъ единицъ, но и отдѣльныхъ группъ и партій. Такое представительство должно обладать необходимыми данными для руководства, ибо руководство требуетъ соотвѣтствующихъ умственныхъ условій, моральнаго опыта и т. п. Увы, часто случается, что руководители и консервативныхъ, и революціонныхъ партій не доросли до той роли, какая имъ выпадаетъ, и въ такихъ случаяхъ послѣдствія плачевны.

Руководители партій должны быть выборными и отвѣтственными предъ членами, но должны обладать широкой властью, такъ какъ общественная жизнь идетъ впередъ, требуетъ быстрыхъ рѣшеній, спеціальныхъ знаній и т. д.

Утвержденіе, что масса сама можетъ справиться со всѣмъ, — отвратительная демагогія, не основанная на дѣйствительныхъ фактахъ. Масса не есть, не можетъ и не должна быть пассивной, а, наоборотъ, дѣятельной. Но ошибочно предполагать, что она можетъ

въ цѣломъ выполнять весьма сложныя, разнообразныя функціи, требующія проницательности, спеціальнаго опыта и подготовки.

Необходимость строгой организаціи вызывается еще и другимъ обстоятельствомъ. Если бы всѣ члены партій сами рѣшали всѣ вопросы, то масса, подѣлившаяся на разныя партіи, все свое время вынуждена была бы отдавать политическо-общественной дѣятельности. Могло бы стать, какъ въ Аѳинахъ, гдѣ свободные граждане занимались политикой, а рабы работали. Но кто бы работалъ въ другихъ областяхъ у насъ? Слѣдовательно, должно быть раздѣленіе труда даже и въ партіяхъ.

На упрекъ, что строгая организація партій не можетъ помѣшать самовольнымъ поступкамъ своихъ членовъ, я отмѣчу, что никогда не слѣдуетъ брать вещи абсолютно. Правда, сорганизованная партія не можетъ всецѣло охватить дѣятельность своихъ членовъ, тѣмъ болѣе несорганизованная партія не можетъ избѣжать, не только совершенно, но хотя бы относительно, хаоса, возникающаго изъ необъединенныхъ дѣйствій своихъ членовъ.

Въ защиту своего тезиса авторъ разсматриваемой нами статьи указываетъ на два факта: на дѣятельность анархическо-соціалистическихъ кружковъ въ Россіи въ началѣ семидесятыхъ годовъ и дѣятельность анархистовъ Западной Европы за послѣднюю четверть девятнадцатаго вѣка.

Что касается русскихъ кружковъ, то самая жизнь показала, что ихъ свободные союзы оказались неудовлетворительными, какъ только ихъ дѣятельность расширилась и борьба съ существующимъ строемъ при-

няла болѣе широкіе размѣры. Вѣдь они почти всѣ были противниками государства и строгой организаціи; а однако, въ концѣ концовъ, принуждены были ввести ее.

Что же касается западно-европейскихъ анархистовъ, то дѣйствительность показала, что безъ строгой организаціи можно лишь устроить нѣсколько покушеній или небольшихъ манифестацій. И ничего больше.

Анархисты и теперь еще, поскольку они не входятъ въ составъ профессіональныхъ союзовъ, что уже съ ихъ точки зрѣнія является компромиссомъ, не представляютъ силы, постоянно работающей и постоянно возрастающей.

Русскіе анархисты, выраженіемъ взглядовъ которыхъ былъ органъ „Хлѣбъ и Воля", высказываются за политическій и экономическій терроръ; громятъ соціалистовъ-революціонеровъ за то, что они отрицаютъ послѣдній, и ставятъ имъ въ упрекъ ихъ стремленія реформировать аграрныя отношенія при помощи парламента. Эти анархисты борются также противъ организованнаго террора, рекомендуя не организованный, актъ воли отдѣльныхъ единицъ. Нечего говорить о томъ, какое широкое поле для злоупотребленій и насилій открываютъ такіе взгляды и какъ они вредны. Сторонники ихъ утѣшаются мыслью, что въ эпоху революцій должны существовать эксцессы. Странное дѣло: въ другихъ случаяхъ они не склонны подчиняться житейской необходимости, а по вопросу объ эксцессахъ ссылаются на нее.

Если въ бурныя и переходныя эпохи эксцессы дѣйствительно необходимы, то слѣдуетъ сдѣлать все, чтобы какъ можно болѣе ограничить ихъ и овладѣть хаосомъ. Но анархисты питаютъ наивную вѣру въ бла-

гословенные результаты самостоятельныхъ, некоординированныхъ и произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій...

V.

Другое направленіе въ современномъ анархическомъ движеніи въ Россіи можно охарактеризовать въ краткихъ словахъ. По сравненію съ первымъ, оно еще болѣе односторонне и носитъ въ высшей степени разрушительныя тенденціи. Оно отрицаетъ не только парламентаризмъ, но и профессіональные союзы, какъ институты, создающіе профессіональную обособленность среди рабочаго класса. Единственно вѣрнымъ стремленіемъ сторонники этого направленія считаютъ соціальную революцію, цѣлью которой было бы введеніе анархическаго коммунизма.

Тактика этого направленія заключается исключительно въ созданіи боевыхъ организацій, задача которыхъ состоитъ въ атакѣ правительства и буржуазіи и въ экспропріаціяхъ ихъ собственности; большое значеніе приписываетъ отдѣльнымъ террористическимъ актамъ, направленнымъ противъ общественныхъ и политическихъ представителей настоящаго строя.

Во второмъ номерѣ журнала „Безначаліе", являющагося органомъ этого направленія, на послѣдней страницѣ мы находимъ очень характерную замѣтку, подъ заглавіемъ: „Какъ поджигать господскіе стога", отрывокъ изъ анархической прокламаціи, разбрасываемой изъ оконъ вагоновъ по деревнямъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи лѣтомъ 1905 года.

Другое воззваніе, разбрасываемое въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1905 года, содержитъ программу анархической дѣятельности, заключающуюся въ трехъ пунктахъ. Въ первомъ пунктѣ говорится между прочимъ: „не жалѣйте господскаго добра: намъ оно не достанется ни въ какомъ случаѣ“.

Сторонники этого направленія исходятъ изъ положенія, что только немедленная соціальная революція можетъ вызвать и установить солидарность трудящихся классовъ, рабочихъ же прежде всего...

Весьма характерно слѣдующее обстоятельство: съ одной стороны анархисты этого типа вѣрятъ въ побѣду революціи, которая сразу введетъ антигосударственный коммунизмъ; съ другой—утверждаютъ, въ цитируемомъ нами воззваніи, что слѣдуетъ уничтожать „господское“ добро, такъ какъ оно ни въ какомъ случаѣ не достанется народу. Анархисты группы „Безначалія“ не понимаютъ, что разрушеніе хозяйственныхъ запасовъ вообще вредно и что оно было бы таковымъ и тогда, если бы ихъ фантастическіе планы осуществились.

Изданія этой анархической группы изобилуютъ указаніями относительно разрушенія благосостоянія всякаго рода. Кромѣ „Безначалія“, котораго вышло въ прошломъ году два номера, и кромѣ многихъ воззваній, слѣдуетъ указать еще другой органъ, родственнаго ему направленія, подъ заглавіемъ „Черное Знамя“, первый номеръ котораго появился въ декабрѣ 1905 года.

Вредное и дикое разрушеніе, проповѣдуемое группой, вызвало сильную реакцію даже въ анархическомъ лагерѣ.

Выраженіемъ реакціи являются журналы: „Новый

Міръ“ и „Буревѣстникъ“. Они представляютъ третье анархическое направленіе въ Россіи—синдикальное.

Въ программной статьѣ „Новаго Міра“ мы читаемъ, что, ведя самостоятельную политику подъ знаменемъ абсолютной антигосударственности, анархисты должны все-таки принимать участіе въ политической борьбѣ, какъ, напр., въ политическихъ манифестаціяхъ. Но анархисты должны бороться подъ знаменемъ абсолютно антигосударственнымъ. По мнѣнію автора, та партія фактически ведетъ самую интенсивную политическую борьбу, которая вводитъ въ жизнь наибольшую сумму свободы.

„Но не въ демонстраціяхъ и на баррикадахъ заключается наша главная работа. При настоящей степени развитія русскій рабочій классъ не можетъ совершить анархической революціи... Мы должны немедленно приступить къ организаціи повсюду какъ можно болѣе широкихъ профессіональныхъ союзовъ и слить ихъ въ федерацію. Стачка есть лучшее средство воспитанія и организаціи рабочихъ; мы должны вызвать широкое стачечное движеніе во всѣхъ промышленныхъ центрахъ и въ тѣхъ пунктахъ деревни, въ которыхъ скопляется много рабочихъ. Необходимо создать революціонные синдикаты“.

Авторъ, хотя и по необходимости, признаетъ политику постепенной борьбы путемъ профессіональныхъ союзовъ и въ то же время бросаетъ упрекъ соціалъ-демократіи за то, что она ведетъ ту же политику, но въ иной формѣ. Онъ же отрицаетъ всякіе временные союзы даже съ соціалъ-демократіей.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ „Либерализмъ, соціализмъ и анархизмъ“ авторъ, вскрывая генезисъ этихъ напра-

вленій, высказываетъ взглядъ, что нынѣшній соціализмъ отнюдь не является выраженіемъ интересовъ рабочихъ массъ, но интересовъ деклассированной интеллигенціи; лишь анархизмъ, отрицающій государство и ведущій непосредственно рабочую борьбу, есть выраженіе стремленій и интересовъ рабочаго класса.

Та же группа издала манифестъ анархистовъ-коммунистовъ, формулирующій ея теоретическо-практическіе постулаты.

Манифестъ не содержитъ въ себѣ ничего специфическаго, но, какъ продуктъ анархической мысли, отличается отъ другихъ тѣмъ, что всѣ свои разсужденія основываетъ на марксическихъ идеяхъ, съ добавленіемъ обычныхъ анархическихъ нападокъ на государство и связанный съ нимъ соціалистическій строй.

Новое анархическо-синдикальное направленіе въ Россіи было еще сильнѣе подчеркнуто въ недавно возникшемъ органѣ подъ заглавіемъ „Буревѣстникъ“. Въ программной статьѣ второго номера мы находимъ очень сильно подчеркнутое осужденіе практиковавшейся до сихъ поръ тактики анархистовъ въ Россіи, въ особенности же ихъ эксцессовъ.

Авторъ, правда, признаетъ, что русскіе анархисты выказали много энергіи и самопожертвованія, что они мужественно шли на смерть, но дѣятельность ихъ считаетъ безплодной.

Въ первомъ номерѣ „Буревѣстника“ мы находимъ статью противъ неорганизованныхъ, индивидуальныхъ, проведенныхъ для частныхъ цѣлей актовъ экспропріаціи, а также слѣпого, немотивированнаго террора.

Кража, по мнѣнію автора одной изъ этихъ статей, ведетъ къ деморализаціи самихъ анархистовъ и влечетъ

за собой прикрываніе знаменемъ анархизма отбросовъ различнаго рода, что вызываетъ въ самомъ обществѣ весьма враждебное настроеніе по отношенію къ борющимся сторонникамъ антигосударственнаго коммунизма. Въ эпоху революціонной борьбы съ современнымъ общественнымъ строемъ контроль надъ такими дѣйствіями необходимъ.

Въ 1 и 2 номерахъ „Буревѣстника" много вниманія посвящено террору. Неизвѣстный публицистъ рѣшительно осуждаетъ и отрицаетъ такъ называемый немотивированный терроръ, т. е. направляемый противъ лицъ привилегированныхъ классовъ безъ всякаго разбора.

Анархическая группа, сосредоточившаяся около „Буревѣстника", выдвигаетъ на первый планъ также синдикализмъ. Отличіе ея отъ предыдущей, выраженіемъ которой былъ „Новый Міръ", заключается въ вѣрѣ въ возможность побѣды анархической революціи въ ближайшемъ будущемъ, между тѣмъ „Новый Міръ", какъ мы уже видѣли, подчеркнулъ фактъ невозможности проведенія такой революціи. „Буревѣстникъ", признавая меньшую степень организованности русскаго пролетаріата по сравненію съ западно-европейскимъ, выше ставитъ его революціонное настроеніе, что сильно уменьшаетъ различіе силъ этихъ двухъ пролетаріатовъ.

Во второмъ номерѣ „Буревѣстника" мы находимъ заявленіе о необходимости организаціи всѣхъ анархическихъ силъ въ Россіи. Въ послѣднее время уже появились завязи подобной организаціи, но ихъ слѣдуетъ развить. Эта организація не была бы централистическая, по образцу соціалистической, но нѣчто вродѣ

конфедераціи анархическихъ группъ, работающихъ въ Россіи.

Такимъ образомъ всѣ три направленія современнаго русскаго анархизма разнятся между собой, главнымъ образомъ, своимъ отношеніемъ къ синдикальному движенію.

Направленіе, представляемое группой „Хлѣбъ и Воля“, признаетъ синдикализмъ лишь наполовину; оно рекомендуетъ своимъ сторонникамъ вступать въ профессіональные союзы. Созданіе же профессіональныхъ союзовъ предоставляетъ другимъ—конечно, соціалистамъ.

Направленіе, представляемое „Безначаліемъ“, отрицаетъ профессіональные союзы совершенно. Наконецъ третье направленіе въ основу всей анархической дѣятельности кладетъ синдикализмъ.

Хотя самый благоразумный оттѣнокъ русскаго анархизма все-таки основывается на ошибочныхъ положеніяхъ, но несомнѣнно утѣшительнымъ является фактъ, что въ средѣ самихъ анархистовъ возникла реакція противъ явныхъ заблужденій ихъ тактики. Реакція эта пойдетъ и дальше, и, можетъ быть, съ теченіемъ времени вся концепція современнаго анархизма преобразится и приблизится къ идеямъ Бакунина.

Слѣдовало бы разсмотрѣть еще взаимное соотношеніе силъ отдѣльныхъ анархическихъ направленій въ Россіи. Но, увы, я не могу этого сдѣлать, не только потому, что, не принимая участія въ анархическомъ движеніи, не имѣю необходимыхъ для этого свѣдѣній, но еще и потому, что, весьма вѣроятно, даже сами анархисты не знаютъ хорошо, которое направленіе въ настоящее время преобладаетъ.

Не слѣдуетъ забывать факта, что анархическія

группы создаются и распадаются очень легко; временами въ одномъ городѣ, относительно небольшомъ, ихъ появляется нѣсколько. Онѣ сливаются между собой и дѣлятся и т. д.

До начала 1905 года направленіе, представляемое „Хлѣбомъ и Волей“, было почти единственнымъ. Въ прошломъ году сторонники „Безначалія“ были сильнѣе другихъ анархистовъ въ Россіи. Въ послѣднее время, кажется, самое сильное направленіе—синдикальное.

Закончивъ съ чисто анархическими движеніями въ Россіи, я перехожу теперь къ родственнымъ имъ направленіямъ, которыя охарактеризую лишь въ общихъ чертахъ.

VI.

Вліяніе анархизма проявилось въ русскихъ трудахъ поляка, выступающаго подъ псевдонимомъ А. Вольскаго [1]). Онъ издалъ нѣсколько статей, изъ которыхъ самая главная—„Умственный рабочій“, состоящая изъ трехъ частей; а также двѣ брошюры: „Буржуазная революція и рабочее дѣло“ и „Банкротство соціализма въ XIX столѣтіи“. Вольскій, высланный въ Восточную Сибирь по польскому національному дѣлу, сталъ тамъ, въ отдаленномъ мѣстечкѣ Якутскаго края, сначала соціалистомъ, а потомъ, подъ вліяніемъ анархизма, творцомъ собственной общественной системы.

Вольскій пріобрѣлъ въ Россіи и за-границей нѣкоторое число сторонниковъ и создалъ—вѣроятно, вмѣстѣ

[1]) Настоящая фамилія Махайскій.

съ анархистами—новое направленіе среди соціалистовъ-революціонеровъ, сторонники котораго позднѣе отдѣлились отъ нихъ и создали группу такъ называемыхъ максималистовъ.

Мы видимъ, что труды Вольскаго оказали вліяніе, которое въ эпоху революціи смогло даже на нѣкоторое время значительно усилиться, благодаря своему „радикализму" и новизнѣ. Несмотря на то, что Вольскій написалъ довольно много, онъ не смогъ обосновать своей системы, которая весьма несложна. Въ своихъ трудахъ онъ старается доказать, что современный соціализмъ обанкротился, не защищаетъ уже интересовъ пролетаріата, что онъ совершенно не революціоненъ, и, если бы даже его постулаты были осуществлены, они ничуть не освободили бы рабочаго класса. Къ критикѣ современнаго соціализма Вольскій не прибавилъ ничего оригинальнаго, за исключеніемъ одной мысли, на которой я потомъ остановлюсь подробнѣе.

Анархисты, какъ: Бакунинъ, Кропоткинъ и другіе, критиковали соціализмъ далеко многостороннѣе и глубже. Въ ихъ трудахъ можно найти гораздо больше аргументовъ, чѣмъ въ трудахъ Вольскаго, по вопросу объ оппортунизмѣ и отсутствіи революціонности у западноевропейскихъ соціалистовъ, въ особенности же у нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Можетъ быть лишь потому, что Вольскій много заимствовалъ отъ анархистовъ, внѣшне же хочетъ быть отъ нихъ независимымъ,—онъ нападаетъ на нихъ такъ же рѣзко, какъ и на соціалистовъ, стараясь доказать, что они, подобно послѣднимъ, не думаютъ о конечной цѣли рабочаго движенія—полномъ уничтоженіи современной системы производства.

Бросаемые соціалистамъ упреки Вольскаго можно кратко формулировать слѣдующимъ образомъ:

1) Они не стремятся въ настоящее время къ уничтоженію общественныхъ классовъ и введенію коммунизма, но къ демократическо-радикальнымъ реформамъ, которыя ничего не приносятъ пролетаріату и выгодны только другимъ классамъ, а прежде всего интеллигенціи.

2) Они отталкиваютъ отъ себя тѣхъ, которые больше всего нуждаются въ помощи, — безработныхъ, живущихъ со дня на день, которыхъ они пренебрежительно зовутъ люмпенпролетаріатомъ.

3) Самая концепція ихъ будущаго строя ошибочна въ основѣ, такъ какъ не устраняетъ власти однихъ надъ другими, но отдаетъ массы во власть интеллигенціи.

4) Соціализмъ сталъ теперь религіей, а будущій строй—тѣмъ, чѣмъ является загробная жизнь для христіанъ. Соціализмъ состоитъ теперь изъ ряда догматовъ, имѣющихъ только формальное значеніе.

Въ подкрѣпленіе каждаго изъ этихъ тезисовъ—Вольскій приводитъ много фактовъ, взятыхъ равно какъ изъ западно-европейской, такъ и изъ русской жизни. Но характерная вещь, что этихъ фактовъ онъ не объясняетъ и совершенно не умѣетъ объяснить ихъ причины.

Анархистовъ онъ также упрекаетъ и за то, что они не всегда стремятся къ уничтоженію современнаго строя,—такъ, напр., Кропоткинъ предполагаетъ (въ „Хлѣбѣ и Волѣ“), что русская революція можетъ имѣть тотъ же характеръ, какой имѣла французская 1789 года (Кропоткинъ заслужилъ упрекъ Вольскаго также за свое уваженіе

къ наукѣ, якобы за переоцѣнку ея силы и значенія для массъ); что—по образцу западно-европейскихъ соціалистовъ, они непремѣнно хотятъ быть явной партіей, не думаютъ объ организаціи рабочаго заговора, цѣлью котораго была бы подготовка къ тайному нападенію на буржуазію и правительство; что—несмотря на свое отрицаніе государства и невыставленіе чисто политическихъ постулатовъ—они видятъ въ уничтоженіи абсолютизма шагъ впередъ; наконецъ что—они наивно полагаютъ, что съ уничтоженіемъ государства исчезнетъ власть однихъ надъ другими и устранится эксплоатація массъ.

Выведенный изъ терпѣнія этой критикой, удивленный читатель спроситъ въ концѣ концовъ: чего же собственно хочетъ самъ Вольскій?

Онъ рекомендуетъ организацію рабочаго класса для непосредственной борьбы за введеніе коммунистическаго строя, организацію тайнаго заговора, дискредитированіе соціалистической интеллигенціи, устраненіе изъ-подъ ея вліянія, наконецъ созданіе сейчасъ же послѣ общественнаго переворота такихъ условій, которыя уничтожили бы монополію людей, обладающихъ знаніемъ...

Всѣ эти желанія Вольскій высказываетъ въ общей формѣ и совершенно ихъ не обосновываетъ. Напримѣръ, упрекая соціалистовъ въ томъ, что они не стремятся къ введенію коммунизма, онъ не пытается опровергнуть ихъ взглядовъ, согласно которымъ внезапный скачокъ къ коммунизму невозможенъ. Критикуя на каждомъ шагу интеллигенцію и говоря о необходимости уничтоженія монополіи знанія, онъ не старается даже указать, какимъ образомъ этого можно достигнуть.

Особенно оригинальна въ системѣ Вольскаго его

страстная критика интеллигенціи, его утвержденіе, что устраненіе капиталистовъ и земельныхъ собственниковъ не разрѣшитъ вопроса безъ устраненія интеллигенціи отъ ея умственнаго преобладанія. Вольскій критикуетъ еще теорію прибавочной стоимости Маркса, упрекая ее въ неточности и сознательномъ уменьшеніи размѣровъ эксплоатаціи рабочихъ капиталистами.

Я не буду вдаваться въ разборъ экономическихъ „теорій" Вольскаго: во-первыхъ, потому, что это потребовало бы цѣлаго спеціальнаго экономическаго трактата, что не входитъ въ задачу моего труда; во-вторыхъ, все міровоззрѣніе автора понятно и безъ его экономическихъ „открытій".

Взгляды Вольскаго по вопросу о государствѣ не ясны: не подлежитъ сомнѣнію, что, соглашаясь съ анархистами, онъ считаетъ государство вообще вреднымъ; кажется, однако, что, въ противоположность анархистамъ, онъ признаетъ революціонную диктатуру; во всякомъ случаѣ онъ сторонникъ заговора, а послѣдній требуетъ центральной власти и даже очень сильной. На прошедшія революціи, парламентаризмъ и демократическія реформы Вольскій смотритъ отрицательно, считая, что рабочіе отъ этого ничего не пріобрѣли. Что же касается самого общественнаго переворота, то онъ, повидимому, полагаетъ, что, по крайней мѣрѣ теперь, онъ всюду зависитъ лишь отъ желанія и силы рабочихъ.

Подробная критика взглядовъ Вольскаго не составляетъ моей задачи въ настоящемъ трудѣ, посвященномъ спеціально анархизму въ Россіи. Я ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями объ утвержденіяхъ разсматриваемаго автора.

Упреки Вольскаго, бросаемые современнымъ соціали-

стическимъ партіямъ, до нѣкоторой степени справедливы въ примѣненіи къ нѣкоторымъ партіямъ, поскольку дѣло идетъ о Западной Европѣ, что мною уже отмѣчено въ „Современномъ Анархизмѣ“ и въ другихъ моихъ трудахъ. Справедливо это потому, что соціалистическія партіи часто забываютъ о своихъ конечныхъ цѣляхъ, что мелкія текущія дѣла поглощаютъ всю ихъ энергію, что они избѣгаютъ всякаго риска, и что тактика ихъ, по сравненію съ революціонной фразеологіей, весьма робка; наконецъ, что онѣ слишкомъ мало занимаются судьбами бѣднѣйшей части пролетаріата.

Нѣмецкая соціалъ-демократія — типъ соціалистической партіи, теоретически весьма ортодоксальной и по своимъ конечнымъ цѣлямъ революціонной, на практикѣ же нерѣшительной. Она имѣетъ свыше сорока тысячъ сорганизованныхъ рабочихъ, свыше трехъ милліоновъ голосовъ во время выборовъ, обладаетъ большими матеріальными средствами, располагаетъ множествомъ органовъ и изданій, имѣетъ потребительные кооперативы, процвѣтающіе и развивающіеся профессіональные союзы; но вмѣстѣ съ тѣмъ она—партія политически безсильная, съ которой правительство и буржуазія мало считаются. Въ теченіе двадцати лѣтъ германская соціалъ-демократія не добилась почти никакихъ крупныхъ реформъ, не въ состояніи была устранить въ Германіи феодальныхъ пережитковъ и отвоевать широкой гражданской свободы. Нѣмецкій рабочій не можетъ гордиться и большими завоеваніями въ области экономической борьбы съ буржуазіей.

Положеніе соціалистической партіи въ Бельгіи уже значительно лучше; не имѣя ни такихъ большихъ средствъ, какъ нѣмецкая, ни такихъ сильныхъ про-

фессіональныхъ союзовъ и массы изданій—она имѣетъ, однако, въ своей странѣ гораздо больше вліянія, чѣмъ германская. Тяжелою борьбой она добилась частичной избирательной реформы и можетъ похвастаться великолѣпно развитыми коопераціями. Условія жизни рабочаго въ Бельгіи тяжелы еще и теперь, но благодаря партіи многое измѣнилось къ лучшему. Бельгійскіе рабочіе боролись не только на выборахъ, но и внѣ парламента; они проявляли много отваги, самопожертвованія и рѣшимости во время всеобщихъ политическихъ стачекъ.

Во Франціи, до послѣдняго времени, различныя соціалистическія партіи примѣняли различную тактику. Въ общемъ, однако, французскіе рабочіе живѣе нѣмецкихъ и больше склонны къ революціонной дѣятельности.

Итальянскіе соціалисты, работающіе въ очень тяжелыхъ условіяхъ, добились сильнаго вліянія въ странѣ,—и правительство вынуждено съ ними считаться. За послѣдніе годы итальянскіе рабочіе не разъ грозно выступали противъ власти и имущихъ классовъ, хотя они не обладаютъ такими средствами, какими обладаютъ нѣмецкіе рабочіе.

Тутъ не мѣсто вдаваться въ историческое изслѣдованіе, въ цѣляхъ объясненія этихъ фактовъ; все имѣетъ свои причины, а слѣдовательно—и физіономія соціалистическихъ партій; мнѣ важно было лишь констатировать фактъ и показать, что невозможно охватить ихъ всѣ одной характеристикой. Развитіе мирной жизни въ Западной Европѣ, улучшеніе положенія части рабочихъ, наконецъ относительно привилегированное положеніе партійныхъ верховъ въ профес-

сіональныхъ союзахъ, кооперацiяхъ, а также депутатовъ, редакторовъ органовъ и т. д.—все это, отчасти сознательно, а въ большинствѣ случаевъ безсознательно, повліяло на тактику соціалистическихъ партій, зависящую въ значительной степени отъ стремленій, чувствъ и взглядовъ партійныхъ верховъ.

Условія, въ которыхъ работаютъ соціалистическія партіи различныхъ государствъ, весьма разнообразны; въ Англіи, Бельгіи, Германіи и, можетъ быть, даже во Франціи вопросъ о достиженіи власти соціалистическими партіями для проведенія въ жизнь своихъ принциповъ, осуществленія своей программы максимумъ—могъ бы уже и теперь быть вопросомъ практической политики,—постольку объективныя условія этихъ государствъ позволяютъ перейти къ иному общественному строю. Самый переходъ тамъ только вопросъ силы пролетаріата, вопросъ мудрой политики и ясныхъ концепцій новаго общественнаго строя. Иначе обстоитъ дѣло въ такихъ государствахъ, какъ: Италія, Испанія, Австрія, Швеція и т. д.; въ нихъ соціалисты могутъ и должны непосредственно стремиться только къ немедленной и полной демократизаціи политическихъ институтовъ и къ аграрнымъ реформамъ въ границахъ капиталистическаго строя.

Труднѣе положеніе соціалистовъ въ Россіи, которая только что стала преобразовываться въ конституціонномъ направленіи. Установленіе конституціоннаго строя, его возможная демократизація и рядъ аграрныхъ и рабочихъ реформъ, въ границахъ современнаго строя,—составляютъ въ настоящее время задачи соціалистическаго движенія въ Россіи. Само по себѣ понятно, что, борясь за ближайшія цѣли, надо всегда

помнить о конечныхъ, углублять сознаніе пролетаріата и организовывать его въ самостоятельную партію.

Реформы въ Россіи не могутъ быть проведены такъ же быстро, какъ въ государствахъ, въ которыхъ основы конституціоннаго строя имѣются уже давно; въ которыхъ организація пролетаріата имѣетъ свою долгую исторію. Изъ различнаго положенія соціалистическихъ партій въ разныхъ государствахъ должны вытекать и различія въ тактикѣ. Въ Германіи, Франціи, Бельгіи и Англіи—буржуазія достигла уже всего, что ей необходимо [1]). И потому-то она почти всегда консервативна; если иногда во Франціи и бываетъ иначе, то это слѣдуетъ приписать той роли мелкой буржуазіи, какую она играетъ во Франціи. Позиція ея всегда нерѣшительная. Со временемъ, однако, ея вліяніе уменьшится.

Въ этихъ государствахъ даже временные союзы соціалистовъ съ буржуазіей немного могутъ дать позитивныхъ выгодъ пролетаріату; чаще всего они только парализуютъ его рѣшительную дѣятельность. Иное дѣло въ другихъ странахъ, гдѣ буржуазія еще въ значительной части оппозиціонна и борется за права для себя; тамъ временные союзы съ ней, или, вѣрнѣе, съ нѣкоторыми ея частями, необходимы для пролетаріата и могутъ принести ему пользу, облегчая осуществленіе реформъ, при условіи, однако, что рабочій классъ долженъ составлять отдѣльную самостоятельную партію, сознающую свои ближайшія и конечныя цѣли.

---

[1]) Въ Германіи не вполнѣ; но тамъ она предпочитаетъ довольствоваться меньшимъ по отношенію къ правительству и юнкерамъ, но зато препятствовать развитію соціализма, противодѣйствуя реформамъ.

Вольскій, какъ революціонный доктринеръ, не понимаетъ этихъ различій, такъ необходимыхъ въ тактикѣ соціалистическихъ партій различныхъ странъ,— и огуломъ осуждаетъ соціалистовъ. Онъ не пытается даже опровергнуть утвержденія, что временныя реформы дали значительной части пролетаріата довольно много, и что это обстоятельство оказало свое вліяніе на тактику соціалистическихъ партій. Вмѣсто того, чтобы разсмотрѣть отношенія современныхъ общественныхъ реформъ къ различнымъ частямъ пролетаріата, Вольскій предпочитаетъ разрѣшать тактическіе вопросы общимъ способомъ.

На эту тему можно бы написать цѣлую книжку.

Взгляды Вольскаго на роль интеллигенціи въ соціалистическомъ рабочемъ движеніи и въ общественномъ строѣ вообще—весьма странны и совершенно неосновательны. Нельзя, конечно, оспаривать, что интеллигенція оказываетъ, до нѣкоторой степени, отрицательное вліяніе на соціалистическое движеніе. Она-то чаще всего и ведетъ безконечные споры о теоретическихъ тонкостяхъ; она въ значительной степени служитъ поводомъ къ пробужденію фракціонной и партійной ненависти; часто, благодаря своему доктринерству и подчиненію настроенію, вызываетъ тактическія ошибки партіи, мало принимая во вниманіе реальные интересы широкихъ массъ. Съ другой стороны, соціалистическая интеллигенція придаетъ рабочему движенію единство, открываетъ предъ нимъ широкіе горизонты и ведетъ политику къ далекимъ цѣлямъ. Общественныя явленія въ высшей степени сложны. Охватить ихъ вполнѣ, оріентироваться въ нихъ и вести раціональную поли-

тику, направленную къ полному преобразованію современнаго строя,—могутъ только люди, одаренные болѣе высокимъ умомъ и посвятившіе все свое время умственному труду. Эти люди должны подчиняться строгому контролю массъ; но они необходимы. Правда, сама общественная жизнь создаетъ фонъ, на которомъ возникаютъ великія идеи, открытія и т. п., но только великіе умы могутъ охватить и сформулировать уже назрѣвшія стремленія.

Соціально-политическія условія въ Англіи, Франціи и Германіи были фономъ, на которомъ возникла теорія научнаго соціализма, но нуженъ былъ геній Маркса, чтобы связать разсѣянныя мысли предшественниковъ и основать ихъ на тенденціи развитія современной ему эпохи. Человѣчество всегда нуждалось и будетъ нуждаться въ высокихъ умахъ и геніяхъ. Возрастающая сложность общественныхъ отношеній непремѣнно требуетъ профессіоналовъ, могущихъ проникнуть въ эти отношенія.

Утопично предполагать, что люди среднихъ знаній и ума смогутъ замѣнить высокіе умы. Наконецъ неравенство способностей среди людей нельзя устранить, какъ и неравенство знанія. Умъ каждаго человѣка зависитъ отъ ряда различныхъ обстоятельствъ; кромѣ общественныхъ факторовъ, вліяютъ еще антропологическо-біологическіе, точно еще не изслѣдованные. Ни одна программа устраненія монополіи способностей и знанія не введетъ умственнаго равенства, такъ какъ различныя единицы различнымъ способомъ пользовались бы одинаковыми средствами самообразованія. Въ обществѣ можно установить минимумъ знанія для массъ,

но нельзя нивелировать умы [1]). Уничтоженіе государства, частной собственности, одинаковое просвѣщеніе для всѣхъ не смогли бы уничтожить естественнаго и умственнаго преобладанія единицъ выше стоящихъ надъ низшими единицами.

Ни одинъ строй не можетъ ввести духовнаго равенства, которое и не нужно обществу. Самые широкіе общественные перевороты могутъ устранить лишь привилегіи, вытекающія изъ экономическо-политическаго преобладанія.

Критика интеллигенціи, стремленіе къ умственному нивелированію—проявленіе варварства. Тенденціи Вольскаго въ высшей степени вредны,—и съ ними слѣдуетъ энергично бороться.

Великія завоеванія человѣческаго духа теперь не доступны для всѣхъ; эта недоступность вытекаетъ изъ экономическаго преобладанія однихъ слоевъ надъ другими; но даже и теперь великимъ торжествомъ науки пользуются не одни только привилегированные, хотя они пользуются значительно больше другихъ. Матеріальное благосостояніе всѣхъ безъ всесторонняго развитія науки и искусствъ сдѣлало бы жизнь убогой, скучной, лишенной интереса и очарованія.

VII.

Въ 1904 году въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, отчасти подъ вліяніемъ анархической литературы, отчасти же благодаря агитаціи Вольскаго, началось идейное броженіе. Наружу вылилось оно въ изданіи

---

[1]) Этотъ вопросъ я подробно разсмотрѣлъ въ своемъ „Zarysie padstaw socjologji ogólnej“, часть IV.

„Дискуссіонный Листокъ“, въ которомъ новое направленіе обозначилось довольно ясно. Оно заключалось въ отрицаніи программы минимумъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и признаніи лишь программы максимумъ. Вопросъ шелъ о стремленіи къ немедленному введенію коммунизма.

Вскорѣ максималисты отдѣлились отъ соціалистовъ-революціонеровъ и образовали свою особую группу. До самаго послѣдняго времени они не успѣли еще объединить свои теоретическо-практическіе взгляды въ одно гармоничное цѣлое. И лишь недавно сдѣлалъ это Е. Таг-инъ въ брошюрѣ „Принципы трудовой теоріи“. То, на что не рѣшался даже Вольскій, т. е. доказать возможность немедленнаго перехода къ коммунистическому строю,—пытается сдѣлать Таг-инъ.

Я не могу вдаваться здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ доказательствъ теоретика максималистовъ; обращу вниманіе лишь на нѣкоторыя его принципіальныя положенія. Таг-инъ старается умалить значеніе объективныхъ факторовъ въ дѣлѣ общественнаго развитія и въ то же время — возвысить значеніе субъективныхъ.

По его мнѣнію, человѣческое сознаніе можетъ значительно опередить развитіе внѣшнихъ формъ общественной жизни и сдѣлать возможнымъ немедленный переходъ къ соціалистическому строю.

На утвержденіе, что только развитіе экономическихъ отношеній дѣлаетъ возможнымъ распространеніе извѣстныхъ идей, Таг-инъ отвѣчаетъ, что распространеніе идей можетъ совершаться и внѣ зависимости экономическаго развитія, путемъ психическаго воздѣйствія.

Разсужденія теоретика максималистовъ абстрактны и не подкрѣплены никакими фактическими основаніями.

Дѣйствительно, часто идеи опережаютъ существующій порядокъ вещей; но вопросъ въ томъ, насколько идеи идутъ впереди и какова сила данныхъ идей въ границахъ опредѣленнаго мѣста и времени. Реалистическо-соціологическій взглядъ говоритъ намъ, что выразителями данныхъ идей являются опредѣленные общественные классы; что развитіе ихъ (идей) зависитъ отъ уклада экономическихъ отношеній, и что, наконецъ, экономическія отношенія создаютъ извѣстныя тенденціи въ общественной жизни, на фонѣ которыхъ возможны лишь тѣ, а не другія преобразованія. Этотъ взглядъ подкрѣпляется многочисленными фактами. Идеалистическій взглядъ Таг-ина допускаетъ возможность различныхъ общественныхъ переворотовъ въ слабой зависимости отъ экономическихъ отношеній, но признавая вѣроятность таковыхъ, Таг-инъ не можетъ подкрѣпить свою теорію фактами. Самый фактъ постепенности общественныхъ преобразованій въ различныхъ государствахъ ясно говоритъ, что эти перемѣны зависятъ отъ глубокихъ причинъ, лежащихъ въ коренныхъ основахъ коллективной жизни. Я не могу вдаваться въ разборъ этого вопроса, такъ какъ онъ очень обширенъ и задѣваетъ вопросы о закономѣрности общественнаго развитія и матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Цѣлесообразнѣе разсмотрѣть взгляды максималистовъ на Россію и ея современное положеніе и тактику, которую они проводятъ.

Таг-инъ, разсматривая подробно отношенія различныхъ общественныхъ классовъ къ будущей соціалистической революціи въ Россіи, приходитъ къ убѣжденію, что въ ней можетъ принять участіе значительное большинство народа. Его разсужденія весьма поверхностны;

напримѣръ, исходя изъ факта, что русскій крестьянинъ эксплоатируется, и что часто его положеніе тяжелѣе положенія рабочаго,—онъ приходитъ къ убѣжденію, что крестьянинъ будетъ борцомъ за соціальную революцію. Таг-инъ не дооцѣниваетъ того факта, что русскій крестьянинъ, какъ и всякій другой, владѣющій землей, хотя и принадлежащей общинѣ, но находящейся въ его пользованіи,—видитъ возможность сдѣлаться собственникомъ, и потому всеобщій коммунизмъ, которому онъ совершенно чуждъ, не привлечетъ его.

Наконецъ крестьяне не составляютъ единаго класса, но нѣсколько, и каждый изъ нихъ имѣетъ свои собственные интересы; изслѣдователи русской деревни подтверждаютъ, что въ нынѣшнемъ году классовая борьба среди крестьянъ приняла болѣе крупные, чѣмъ когда-либо, размѣры. Такимъ образомъ русское крестьянство, какъ цѣлое, не пойдетъ теперь за соціалистами для осуществленія ихъ конечныхъ цѣлей.

Слѣдуетъ имѣть въ виду и то обстоятельство, что крестьянское населеніе не сорганизовано, и что трудно его сорганизовать теперь, когда конституціонная жизнь только начинается.

Наконецъ низкій умственный уровень крестьянства затрудняетъ имъ пониманіе соціализма, до той степени, чтобы онъ могъ стать для нихъ не только идеаломъ, но чѣмъ-то реальнымъ. Ссылка Таг-ина на трудъ Кочаровскаго о русской общинѣ ничего не доказываетъ,—ибо по вопросу объ общинѣ среди добросовѣстныхъ изслѣдователей общины имѣются самыя разнообразныя мнѣнія; а наблюдаемые ими факты живенности общиннаго владѣнія землей и способности

крестьянъ къ созданію высшихъ формъ коллективнаго труда—не являются всеобщими.

Допустимъ, что въ Россіи достаточно революціонныхъ силъ, въ физическомъ значеніи этого слова, для разрушенія существующаго капиталистическаго строя; изъ этого отнюдь еще не вытекаетъ, что рабочіе и крестьяне уже созрѣли для руководства производствомъ и для общественной реорганизаціи въ духѣ чистаго соціализма. Коллективизмъ требуетъ высокаго экономическо-культурнаго и политическаго воспитанія массъ.

Мало вѣроятій, чтобы современный русскій крестьянинъ, или даже рабочій, могъ черезъ нѣсколько лѣтъ вырасти до роли руководителя производства...

Таг-инъ не видитъ всѣхъ указанныхъ трудностей и довольствуется утвержденіемъ, что наши общественныя знанія безсильны въ точности предвидѣть будущее.

Дѣйствительно, общественная наука не такъ точна, какъ математика или физика, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что съ равной легкостью можно предположить самые разнороднѣйшіе перевороты и событія въ ближайшемъ будущемъ. Не обладая абсолютной увѣренностью, мы можемъ признавать одни явленія вѣроятными, другія нѣтъ. На этомъ предвидѣніи должна основываться наша общественная политика.

Максималисты—государственники и не питаютъ, какъ Вольскій, ненависти къ интеллигенціи (хотя въ одномъ мѣстѣ своей брошюры Таг-инъ и требуетъ, чтобы въ партійныхъ дѣлахъ интеллигенція имѣла только совѣщательный голосъ).

Максималисты—сторонники организованнаго террора и партизанской революціонной борьбы съ правящими классами и правительствомъ. Крупныхъ массовыхъ

столкновеній съ войсками они избѣгаютъ и разсчитываютъ, что въ концѣ концовъ часть войска перейдетъ на ихъ сторону.

Широкой агитаціонной дѣятельности они до сихъ поръ не развили; совершили лишь нѣсколько экспропріацій и покушеніе на премьеръ-министра Столыпина. Ихъ группа немногочисленна; главной ареной ея дѣятельности служитъ центральная Россія.

Максималисты являются выраженіемъ возврата нѣкоторой части русскихъ соціалистовъ къ старымъ общественно-политическимъ концепціямъ. Они, какъ справедливо опредѣлилъ одинъ изъ ихъ сторонниковъ, бланкисты снизу, такъ какъ заговоръ сверху не возбуждаетъ у нихъ довѣрія, и они стремятся вызвать массовое движеніе. Ихъ бланкизмъ имѣетъ спеціальную русскую окраску: онъ покоится на вѣрѣ въ коммунистическіе инстинкты русскаго крестьянина. Максималисты могутъ выполнить еще не одинъ революціонный актъ, но не въ состояніи вызвать сильнаго и прочнаго движенія...

Ихъ теоретическія идеи могутъ послужить лишь къ увеличенію хаоса въ умахъ...

* * *

Изъ этой характеристики ясно, что, кромѣ главныхъ революціонно-соціалистическихъ направленій, есть еще и другія, которыя привлекаютъ къ себѣ сторонниковъ. Эти направленія еще не такъ сильны, чтобы повернуть событія по-своему; но хаосомъ, вводимымъ ими въ движеніе, и своими эксцессами они могутъ въ будущемъ послужить поводомъ къ усложненію политическаго положенія въ Россіи.

Никогда не слѣдуетъ относиться съ пренебреженіемъ къ новымъ направленіямъ, только на томъ основаніи, что въ данный моментъ они еще слабы, тѣмъ болѣе—въ революціонную эпоху. Мы внимательно должны слѣдить за возникновеніемъ новыхъ теченій, критически освѣщать ихъ и энергично бороться съ ними, если они вредны...

Сдѣлать это возможно лишь при ясномъ сознаніи цѣлей современнаго движенія, его силъ и возможныхъ результатовъ.

Въ данный моментъ Россія преобразовывается въ конституціонное государство, въ которомъ необходимы широкія демократическія реформы, но въ границахъ капиталистическаго строя, ибо только таковыя реформы и могутъ быть проведены.

Не слѣдуетъ обманываться, какъ это было послѣ манифеста 17 октября, что мы однимъ взмахомъ перейдемъ отъ абсолютизма къ полной демократіи...

Борьба между старымъ и новымъ строемъ займетъ много времени, и ея формы будутъ разнообразны; сторонники новаго строя не должны въ ней обособливаться, но лишь обособить реакцію, какъ справедливо замѣтилъ Плехановъ. Не забывая о конечныхъ цѣляхъ, никогда не слѣдуетъ пренебрегать меньшими завоеваніями. Не возлагая всѣхъ надеждъ на Думу, что было бы ошибкой, слѣдуетъ, однако, войти въ нее и признать ее даже въ ея настоящей формѣ важнымъ факторомъ политической жизни, который и надо использовать надлежащимъ образомъ.

Необходимо бороться на два фронта: съ реакціей и съ экспессами безплодныхъ, фантастическо - революціонныхъ направленій, не имѣющихъ основаній и вредныхъ.

Вышли изъ печати слѣдующіе выпуски изданія
„Темы Жизни“:

А. Луначарскій.	Очеркъ развитія интернаціонала	10 к.
В. Тотоміанцъ.	Профессіональные союзы рабочихъ	5 к.
А. Ельницкій.	Георгій Валентиновичъ Плехановъ. Біограф. очеркъ	7 к.
І. Ларскій.	Общество будущаго	6 к.
А. Лосицкій.	Избирательная система Государственной Думы. Съ діаграммами	12 к.
Б. Веселовскій.	Земскіе либералы	5 к
Л. Клейнбортъ.	Въ тюрьмѣ и ссылкѣ	7 к.
Н. Ашешовъ.	Александръ Николаевичъ Радищевъ. Общественная характеристика	8 к.
Л. Гуревичъ.	9-е января. По даннымъ „анкетной комиссіи“	10 к.
П. Румянцевъ.	Освободительное движеніе и Государственная Дума	6 к
П. Берлинъ.	Первый нѣмецкій парламентъ	10 к.
П. Масловъ.	Русская революція и народное хозяйство	5 к.
Б. Веселовскій.	Крестьянскіе бунты	6 к.
М. Боголѣповъ.	Война и финансы	5 к.
Д. Зайцевъ.	Государственное страхованіе рабочихъ	8 к.
Б. Вологдинъ.	Чему жизнь рабочихъ учитъ	6 к.
А. Ельницкій.	Первое мая въ Россіи	8 к.
В. Львовъ.	Девяностые годы и творчество В. Вересаева	12 к
І. Давыдовъ.	Какъ расходуются народныя деньги	5 к
К. Пономаревъ.	Пролетаріатъ на Кавказѣ	7 к.
П. Румянцевъ.	Крестьянство и соціалъ-демократія	5 к.
А. Глѣбовъ	Общественныя работы	12 к.
А. Ельницкій.	Первые шаги рабочаго движенія въ Россіи	12 к.
М. Боголѣповъ.	9 милліардовъ рублей. Русскій государственный долгъ	5 к.
Н. Коробка.	Свобода совѣсти	5 к.
А. Ульяновскій.	Женщины въ процессѣ 50-ти	15 к.
Н. Димъ.	Сельскій пролетаріатъ въ Россіи	12 к.
Б. Кричевскій.	Восьмичасовой рабочій день	15 к
П. Берлинъ.	Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его	10 к
Х. Л. Раппопортъ.	Жюль Гэдъ и Французская Рабочая Партія.	15 к.

Подписная цѣна на ежен. изд. „**Темы Жизни**" въ годъ 5 рублей, на полгода 3 рубля. Каждый выпускъ продается отдѣльно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 54. Книгоиздательство **О. Н. Поповой.**

Редакторъ Л. Клейнбортъ.
Издательница О. Н. Попова.

Типографія т-ва „Обществ. Польза", Б. Подъяч., 39.

